

ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА

АЛЬМАНАХ

Нижний Новгород
2016

АЛЕКСАНДР СИЗОВ

**ВЕРСИЯ НОСТРАДАМУСА,
ИЛИ
УБИЙСТВО В СЕЗОН МУТАЦИЙ**

*Мы живем на звезде на зеленой,
Мы живем на зеленой звезде,
Где спокойные пальмы и клены
К затененной клонятся воде.
Мы живем на звезде на лазурной,
Мы живем на лазурной звезде,
Где Гольфстрим протекает безбурно,
Зарождаемая в теплой воде.
Но кому-то захочется славой
Просверкать и прорезать везде.
И живем на звезде на кровавой,
И живем на кровавой звезде.*

Георгий Шенгели

Страшное предсказание

Фильм о великом Нострадамусе, начавшийся в первом часу ночи, был угрожающ и страшен.

Умерший в 1566 году гениальный прорицатель предсказал, что ровно через сто лет, в 1666 году, некто раскопает его могилу, чтобы выпить из черепа и таким образом обрести пророческий дар покойника. Но... Из темени ночи прилетит пуля, которая сразит святотатца наповал. В году с сатанинской цифрой все так и произошло.

"Случайна ли была эта пуля?" – взволнованно вопрошал ведущий художественно-документальной ленты, широкой черной бородой и злове-

ще поблескивающими очками похожий на ученого-естествоиспытателя, умелого препаратора и потрошителя обезьян, типа Дарвина или нашего Павлова.

Сам вопрос уже подводил к умопомрачительной мысли, что нет, пуля была далеко не случайной, кладбищенский пакостник был наказан, вероятно, свыше...

В волнении телевизионный Дарвин частенько хватался за стакан с густым чаем, невпопад помешивал ложечкой, трогал без конца то очки, то лопатообразную бороду. Видно было: откровения придворного лекаря, высказанные стихами, целиком поглощают его, всерьез тревожат.

– Мишель Нотр, Нострадамус, – заявил ведущий, округляя глаза от ужаса и восторга мальчишки на пожаре, – ведь что предсказал? Ведь он правильно предсказал всю дальнейшую историю. Он почти точно назвал другое имя Наполеона – Бонапарт, он сообщил, что тот сломит себе шею в России. Он сказал, что двух братьев-политиков в Новом Свете, один из которых станет президентом, убьют, покушение подготовится и на третьего, но тот вовремя откажется от политики и уцелеет.

После этих пассажей естествоиспытатель надолго замолчал, надувшись на стакан чая, как мышь на крупу. Внушительно молчал, как бы приглашая зрителей к еще большей сосредоточенности. Затем встал и взбудораженно заходил взад-вперед. О нет, это был не холодный констататор, это был прямой участник событий.

– Так вот. Будьте внимательны, мы переходим к нашему ближайшему будущему. Что нас ждет? – Ведущий остановился, набрал воздуха, как перед прыжком в холодную воду, и начал мять, тискать сомкнутые руки. – В некоей восточной стране, возможно, в Иране, Нострадамус не указал, появится властелин мусульманского мира. Его назовут Голубой принц. Он будет молод и красив. И ему захочется править всем миром. Но у него не будет того страшного оружия, которым овладеют Новый Свет, Англия, Франция и Россия. В это время в России появится правитель, крайне экстремистский президент, и он, – давась чревоущательными французскими "рр", подвел итог ведущий, – он даст Голубому принцу страшное оружие. И ядерная кнопка будет нажата. – Бородач выразительно уперся большим пальцем в край стола.

Экран убедительно иллюстрировал сказанное: разверзаются жерла ядерных шахт и оттуда, из чрева земного, как бы крадучись выбираются ракеты. Они, эти ядерные сигары, разных расцветок и форм, с четкой маркировкой на боках, как на выставке; хищные и узкие, как шуки, кокетливо приталенные, тупоголовые, как матрешки, аристократически элегантные – все они без промедления устремляются ввысь. Их, как в компьютерной игре, обстреливают космические платформы, но поражают только часть ядерного полчища, другая часть прорывается... Рушатся небоскребы на берегу океана, Василий Блаженный превращается в оплав-

ленную баранку, Эйфелева башня, словно бы отвесив последний поклон, сыплется раскаленными конструкциями в бурлящий ключом кипяток Сены. Вся Земля завивается в огромный, свирепо гудящий протуберанец.

– В этом огне, – с детской мстительностью проговорил ведущий, – конечно, погибнут и Голубой принц, и его русский потатчик. Победителей не будет. – Солидный бородатый человек снял очки, потер переносицу и устал, утомленно, будто насмерть уработавшийся, выложил обе руки на стол.

– Зрителей, возможно, интересует, что будет потом на Земле? – спросил ведущий после продолжительной паузы. – Потом, по Мишелю Нострадамусу, Землю целых триста лет будут покрывать цветы. Море цветов, море черных маков, спутников радиационных катастроф... Потом появятся люди. Откуда они появятся, Нострадамус не указал. Но эти люди будут чисты, как дети, и беззлобны, как животные. Их сердца не будут одолевать алчность, жажда славы им будет чужда, и на Земле до конца третьего тысячелетия продлится Золотой век. Дальше, за третье тысячелетие, Нострадамус не смог или не успел заглянуть. Да нам это уже и не интересно.

Ведущий смиренно преклонил могучую растительную голову, кадр с ним начал удаляться, удаляться, пока не превратился в точку. Пошли титры.

Вертолет с золотом

Галка выключила телевизор и села на диван. Нога на ногу, со скрепленными руками. Она молчала, наэлектризованные волосы ее ведьмово приподнимались, глаза странно поблескивали. Потрясение от фильма было велико.

Чунасоцкий подсел к жене.

– Хорошенькую же могилку выкопал нам этот самый Нострадамус. За сорок веков маяты – такой конец, такая огненная похлебка. Что, если это правда?..

– А ты разве еще сомневаешься? – зябко передернула плечами Галка.

– Я так вот ни капельки не сомневаюсь.

– И тебе не жутко?..

– Когда все вместе, представь себе, ни капельки. Раз – и нету. Это еще, Господь миловал, слишком легкий конец за наше гнусное существование.

– Ты, пожалуй, права. И возразил бы, да возразить-то нечего. Но все равно несправедливо. Интересно, кто же этот Голубой принц? Уж не Саддам ли?..

– Вряд ли. Он уже стар. А в фильме молодой. Меня вот правитель... президент России тревожит. Кто же это?

– «Кто», «кто»? Разве не понятно.

– Григорий Мыс-Гордеевский ?

– Конечно, кто же еще призывает сапоги мыть в Индийском океане.

– Везет нашей стране на Григориев в смутную пору...

Он долго не мог уснуть в ту ночь. Перелег от Галки на диван и все ворочался, переваривая фильм, ставя его и так, и эдак. Покажут же на ночь!..

Слабенько сочилась в сознание мысль, что подтасовали факты создатели «художественно-документальной ленты». Вот именно «художественно». Вполне ведь может быть, что ради благородной цели подтасовали, как бы погрозили людям пальцем: думайте, как живете!.. Ведь миг всего – и поминай, как звали. Но надежда, что присочинили к нострадамусовым предсказаниям, была все-таки слабой: уж слишком целен язык предсказаний, слишком органичен. К тому же Библия настойчиво, прямо-таки угрожая, твердит об Апокалипсисе. К тому же контакты с Космосом...

Было полнолуние, как в знаменитом булгаковском романе. Полнощечная ночная красавица настырно, как Гелла, лезла в окно, шевелила своим волокнистым, лампадным светом тюлевые занавеси, представляя окружающие предметы ирреальными, неземными...

К тому же этот фантазмагорический фильм.

К тому же ночь.

Нервно зудело все тело, особенно под лопатками, в бицепсах. Он понял, что без таблеток ему не обойтись. Впрочем, было бы вино, выпил бы стакан и уснул, обошелся бы и без успокоительного. Славик сходил на кухню, нашарил в шкафчике таблетки с предостерегающим красным цветом на облатке – внимание, сильнодействующее! – и принял одну. Но сон не шел. И тогда он выдавил из хрустящей фольги еще два сероватых катышка.

Три таблетки. Он знал, что после этого начнется...

И вот она пошла, начала разворачиваться неостановимая божественная панорама, вереница пронзительных, потрясающе-четких слайдов. Сначала – осколочные вспышки, плазменные пятна, лопающиеся огненные пузыри, мозаика рассыпанных галактик, хаос Вселенной, в котором нет-нет да и проглянет архитектурно организованная форма, какой-то сочный цветной узор, как в детском калейдоскопе или на паласе. Дальше – чешуя редкостного питона, текстура дерева, разводы малахита. Кадры сменялись столь поспешно, что никакая, даже самая уникальная фотографическая память не смогла бы запомнить и воспроизвести их. А если бы воспроизвела, появился бы великий художник.

Это невообразимое спектральное буйство вдруг как метлой смело: пошли ромбики, квадраты, октаэдры, волнистые линии, колонки многозначных чисел – как перед началом фильма, когда галопом пробегают перед титрами маркировка пленки. Вполне вероятно, что мозг его наткнулся на поток какой-то таинственной информации, считывать которую и тем более осмыслять могла бы, пожалуй, только кибернетическая машина, но никак не человек.

Он уже не раз наткался после таблеток на этот поток сложных математических выкладок и схем, но этот поток был ему бесполезен. Нет, он отнюдь не спал, он бодрствовал, был в полном сознании, при здравом

уме. Открывал глаза – и все пропадало: он видел стены, шторы, телевизор на тумбочке, но как только опускал веки, моментально врубался в тот же поток. Что-то происходило в мозгу, мозг был ультравосприимчив, оголен.

А вот уже и схемы исчезли. Пошли в лиловых, фиолетовых, сиреневых тонах явно неземные пейзажи с чудовищной фикусопапоротниковой растительностью, венерианскими облаками, утесами, сотнями сверкающих радуг. А вот и части каких-то гигантских машин, шестерни и шарниры, панорамы бескрайних городов, диковинных дворцов и интерьеров.

Говорят, самое быстрое на свете – человеческая мысль. Что если мысль его сейчас, под действием наркотика, перешла в другое измерение, обрела волю, как сбросившая упряжь лошадь?

Он вполне мог бы комментировать эту фантазмагорическую мешанину, сообщать Галке, что видит, но при такой сменяемости картин, вероятно, смог бы ограничиться лишь междометиями – «э-э!.. о-о!..»

– Ты чего? – пришла к нему из спальни Галка.

– Да я так... ничего... заспался...

– Прими таблетку.

– Уже принимал.

– Тогда спи, не мешай другим.

В эту ночь случилось неожиданное. Уже с неделю твердили об исчезновении в Сибири вертолета с грузом золота. Исчез этот вертолет – и никаких концов. К своему ужасу среди нагромождения фантазмагорий Славик явственно, с четкостью до единицы зрения, увидел этот вертолет и все, что с ним произошло.

Вот он, искомый вертолет, приземлился на некоей площадке на склоне зимней сопки, редко поросшей деревьями. Поразительно четко видны даже звериные следы, накрошенная на снег хвоя под одним из деревьев. В склоне сопки зияла дыра тоннеля, и солдаты в серо-белых полушубках один за другим уносили из вертолета в дыру тоннеля какие-то ящики, похожие на патронные. Кто-то сообщил ему, что это и есть золото. И была такая мысль, что солдаты не знают о том, что носят золото, для них это обычная грузчицкая работа. Вертолет разгрузили, и он улетел, пропал, на его место вскоре приземлился второй, защитного цвета и со звездой на борту. Похоже, «Ми-8». Из этой машины вышли военные, пережатые ремнями, очевидно, офицеры. Они тотчас же озабоченно устремились в тоннель. Потом была мысль, но не картинка, не видение, что ящики перегрузят в этот и он благополучно улетит. Искать военную машину никто не будет, искать будут тот, первый вертолет, белого цвета. На сем самопроизвольно вклинившийся сюжет оборвался, и опять пошла космическая мешанина, среди которой он и провалился в яму тяжелого сна.

Осколок НЛО

Ночные видения, нечего и говорить, помнились и на другой день. Особенно вертолет с золотом. Совершенно непонятно, по какой логике пикантный сюжетец втиснулся в сознание. Да так отчетливо!

Галка разминала творог в тарелке, поливала его сметаной, собираясь кормить их с Илюшкой.

Желание поделиться было велико.

– Ты знаешь, Гал, я видел вертолет с золотом.

Галка мельком взглянула на Илюшку, уже усевшегося в ожидании завтрака за стол. Тот даже ложку положил, оставил на отца вопрошающие глазенки.

– Опять!.. – сурово одернула жена. – При ребенке! Перестану я тебе эти таблетки носить!

– А мне и не надо теперь!

– «Теперь»? Что же тебе надо теперь? Уколы промедола?

– Я все решил! – многозначительно сообщил Славик.

– Решил так решил! – вздохнула Галка, добрая умная жена, вдобавок медсестра. «Решению» мужа, как очередному бзίκу, она не придала никакого значения. Пожалуй, напрасно...

Город, в котором жили Чунасоцкие, был закрытый, проходил как «почтовый ящик». В могучий сосновый бор было компактно втиснуто десятка два девяти- и двенадцатитажных комодов, среди которых выделялась этажерка НИИ редких сплавов и корпуса экспериментального заводика при институте. Все это было обнесено двумя рядами колючей проволоки с вышками по периметру. На вышках стояли солдаты срочной службы. На проходной же сидели и шмонали уже не солдаты, а прапорщики. Не прапорщики – церберы. Даже корзины с грибами из лесу потрошили, заставляли вываливать все до гриба. Не говоря уж об иной поклаже.

В институте охрана была еще церберистой, ибо осуществлялась женщинами. У вохрушек в любую погоду топорщились не пустые кобуры. Широкодульные неуклюжие револьверы лежали в них, похожие короткими рылами на собак породы «бульдог». Эти наганы породы «ВОХР» на близкое расстояние стреляли весьма отменно.

Правда, использовались «бульдоги» крайне редко, вероятно, раз в столетие, ибо из института никто ничего не нес. Нести же из НИИ было чего. Например, институт был тем самым заведением, куда прислали на исследование маленькую часть того самого непонятного обломка, что был найден летом 1976 года на реке Вашке в Коми АССР. находка величиной с кулак представляла собой часть детали – кольца, цилиндра либо сферы диаметром не менее 1,2 метра. Ножовкой по металлу пробовали пилить ее – из-под полотна струей бил белый огонь. Когда получили результаты анализа, ахнули: найденный кусок представлял фантастический

сплав редкоземельных: церия было 67,2 процента, лантана 10,9 процента, неодима 8,78 процента. Кроме того, имелось незначительное количество железа и магния, а также примеси урана и молибдена – до 0,04 процента.

Ученых прошиб пот: чистота составляющих сплава оказалась поразительной, земные металлурги ни за какие калачи не смогли бы получить такой сплав. Железо, например, было без окислов, которые имеются практически во всех земных сплавах.

Короче: три полка пехоты были пригнаны на речку Вашку, солдаты буквально на пузе обшарили территорию тайги, равную Люксембургу, но больше, к сожалению, ничего не нашли.

Находка была заперта в сейф. Но гостям ее под большим секретом, конечно, иногда показывали. Стучали кусочком по стенке сейфа – вылетал роскошный сноп искр. Не было никакого сомнения, что это обломок таинственного летательного аппарата.

Сам же младший научный сотрудник Чунасоцкий работал с благородной платиной – надежным земным металлом. Лаборатория пыталась скрестить ее с тем же молибденом, с цирконием и ванадием, сплавы исследовали на прочность, на излом, на хрупкость, ковкость и т. д. И потому этой платины – в виде пучков блестящей проволоки, ворохов стружки – было накрошено по лаборатории довольно. Как грязи. А между тем – драгметалл, дороже золота. Именно потому всех сотрудников, вплоть до академика Петросянца, заставляли после работы раздеваться на проходной донага. Не пугайтесь: в теплых душевых кабинах, из которых нагие люди выходили в другую дверь и одевались уже в другую одежду. Было бесполезно и проглатывать драгметалл, и проносить его в дупле зуба, например: стояли, как в аэропортах, приборы, фиксирующие даже зубные коронки.

Так что хоть купайся в этой платине, а грамма не унесешь.

Но сегодня мысли Славика были далеки от металла.

Он представлял и все никак не мог представить сплошное цветение черных маков, цветов ядерной катастрофы. Среди нагромождений скелетов людей и животных, быстро растворяющихся в радиоактивной воде, среди останков городов: обломков труб, покореженных ферм и лестничных маршей, каменных завалов, во всеобщей тишине – траурное шевеление на огромных просторах. Точно выпас гигантского стада черных бабочек. Траурные ленточки на могиле человечества. И так три века: маки, маки от альпийских лугов до морских лукоморий.

Его тошнило от этой картины, будто напился из радиоактивной лужи. Фильм о Нострадамусе не выходил из головы и, наверное, не скоро выйдет. Как это ни парадоксально, на утро он стал другим человеком. Он понял, что он смертник, что терять ему нечего, что теперь, перед пастью дракона, бояться тоже нечего. Все позволено. Все, что может спасти человечество.

Вот она, выуженная на утро из почтового ящика, подкинута газетенка «Российский лев» с портретом во всю полосу этого «Льва» – крупно-

мастный политик Григорий Мыс-Гордеевский. Григорий, по-голливудски скаля зубы, совсем по-стахановски, по-политбюровски заглядывает на сторону и вверх, с устремлением смотрит в ему одному ведомые дали. Так и бланзится в даях тех, так и раскачивается на гвозде президентский скипетр. Фото ясно подчеркивало: не руками, так зубами схватит, ой, схватит Гришка этот скипетр. И тут же, на глазах, превратит его в гетманскую булаву, станет размахивать, не щадя ни правого, ни виноватого...

Вот кто погубитель Человечества. Он, безымянный, вынырнувший из нетей Гришка Отрепьев, Гришка Распутин, Гришка Мыс-Гордеевский. Его надо опасаться.

Вторая страница: он же. Морща изуверческий лоб, показывает рукой, как Чапаев Петьке, куда стрелять. Третья страничка: в компании, сгрудившейся над столом, мечет кости. Передел мира над оперативной картой?..

Газетенку было противно брать в руки: пестрила, кишела, как червями, доктринами. Набранные крупным кеглем, чтобы и слепой мог прочесть, кошмарные эти доктрины били обывателя уже не по лбу, а именно в лоб – чтобы наповал. Чего стоила, например, вот эта: фланговым ударом с Тихого океана в считанные – раз, два, три! – минуты захватить Японию, хапнуть ее потенциал и, опираясь на него, двинуть дальше – к Сингапуру и Джакарте. Тем самым после «большого хапка» убивается второй заяц: с воды блокируется Китай.

Кавказ огородить казачьими кордонами и превратить в резервацию – пусть пасут скот, джигитуют, а не бандитствуют по российским весям. Эта доктрина обещала наиболее солидный взятку голосов.

Кичливые, как ляхи, прибалты... Вот вам подарочек за кичливость, эсты, лагы и ливы: завалим границу радиоактивными отходами. Сами вымрете.

Чухонца, то бишь финна, опять за нос притащить в Россию, посадить на губернаторский статус.

Чунасоцкому показалось, что он сходит с ума. Показалось, что эти доктрины – шестнадцатая страница «Литгазеты», где можно без оглядки зубоскалить и изгаляться.

Брыла улиткой загнута, как у балованного ребенка, подбородок надменно вытянут и суконно натянут. Скверная улыбка, похожая на гнилую ухмылку. Вот он, новый Мессия, новый Фюрер с каиновой печатью на вырожденческом лике.

Будет, будет засев черных маков, будет раскурочен ядерный чемоданчик.

Опомнитесь, люди!.. Агнцы жертвенные, за кем идете?..

Мысли не приходят постепенно, они – как высверк молнии. Они в долю секунды поражают мозг и начинают управлять им.

Такой высверк поразил в это утро и Чунасоцкого.

Лукавый замысел

Она, платиновая стружка, резнула по указательному пальцу, как бритва. Высекся фонтанчик крови. Рана оказалась глубокой, кровь не унималась. Принесли медицинский клей – клефулин.

Кровь! Да, да, кровь! Вот что должно пролиться во имя спасения человечества. Во имя Отца и Сына и Святого Духа – кровь одного человека. О, если бы вовремя убили Гитлера!..

Пока ему напяливали на палец игрушечный презервативчик, эта дерзкая мысль уже успела выкристаллизоваться и оформиться, он уже знал, что ему нужно. Пока ядерный чемоданчик в других руках, пока Голубой принц еще гипотетичен, нужно уничтожить Гришку. Пусть потом расстреливают, на миру и смерть красна. Зато человечество сможет спать спокойно. Вот уж когда игра действительно стоит свеч.

Образовалось. Замысел пошел дальше. Нужно действовать, не теряя ни дня. Для любого замысла прежде всего нужны деньги. Любое мероприятие начинается с них, а тут особенно: надо будет приобретать оружие, гранату или пистолет, придется поехать в Москву и там жить, выслеживая горе-деятеля. На зарплату эмэнэса, на двести тысяч тут не потянешь. Не тот порядок числ.

И было второе за это утро озарение. Деньги ж под ногами! Платина. Драгметалл дороже золота.

О, не зря, совсем не зря привиделся ему вертолет с золотом. Знак свыше?.. Потырили целый вертолет с золотом, а что ему стоит похитить сто или двести граммов платины? Сущий пустяк по сравнению с вертолетом...

Как-то на досуге Славик прикидывал, как можно похитить платину. Не надо даже особенно изощряться, очень даже легко. Любой мог бы догадаться, если б хорошенько подумал.

И он немедленно начал воплощать лукавый замысел.

Похищение платины

Прежде всего Славик разорился, купил в магазине пару двухлитровых китайских термосов, расписанных сонными красавицами с черточками вместо глаз и аляповатыми пышными цветами. И теперь стал регулярно носить на работу в одном из них дымящийся пахучий кофе. Как старый магаданский вор, он начинал дело исподволь, потихоньку приучая вохрушек к новому термосу-бидону. Впрочем, теперь многие носили обеды на работу: столовая была дороговата. Опытнейшая из вохрушек, Анна Алексеевна, прозванная за бдительность Розовой Змеей, раз попыталась сунуться со своей вынутой из недопитого стакана ложечкой, помешать кофе, но Славик ответил решительно: он тут же шагнул к раковине и на глазах у ахнувшего караула вылил весь кофе. А после этого дал заглянуть Розовой Змее в зеркальное термосово нутро. Появился комплекс вины перед оставшимся без

кофя сотрудником, и больше его термос не проверяли. Особенно после того, как Славик, разорившись на пачку цейлонского чая, одним прекрасным утром торжественно вручил ее вохрушкам. Беспрепятственный пронос двухлитровой посуды туда-сюда был обеспечен.

Одновременно шла работа над вторым термосом. Жаль было роскошного беднягу, но ничего не поделаешь, следовало учинить над ним болезненную операцию, говоря попросту: разбить зеркальную внутренность. Что и было сделано обыкновенной стамеской.

Затем он аккуратно вырезал днище и выбросил из термоса все его потроха: термоизоляционный слой, мелкие осколки. Все. Посудина была чиста от своих обязательств, предстояла ей другая, священная миссия. Славик аккуратно замерил диаметр уцелевшего кожуха, высоту и с этими параметрами сейчас же поспешил к дяде Косте, местному умельцу. Лысоватый, с крупными мосластыми руками, дядя Костя до пенсии работал на экспериментальном заводе инструментальщиком. Выполняя штампы и пуансоны для прессов, «ходил», как он выражался, только по качественным сталям, используя абразивные или титано-кобальтовые резцы. Ошибиться и на микрон нельзя было, особенно при шлифовке. Кому же еще поручить задуманную работу?

В обширном двухэтажном гараже, где дядя Костя пропадал все дни и вечера, чего только не было. В том числе два или три миниатюрных токарных станочка, похоже, самодельных, а также стационарный сварочный аппарат. Вот-вот, такой-то аппарат и нужен. Славик заказал народному умельцу сочинить ему емкость согласно размерам, с резьбой на головке и, если будет досуг, краником. Выслушав заказ, тезка Станиславского артистично, хоботком вытянул губы, покосил этим хоботком на сторону и шумно вобрал воздух:

– Могу-могу.

– Сколько мне встанет?

– Сойдемся.

Стояла дикая пора подхлестывающей, не дающей дремать и зевать инфляции, и Славик моментально согласился с божескими десятью тысячами.

– Так тебе зачем эта посудина-то? – вовсе не из подозрительности, а для дела спросил дядя Костя.

– Да видишь ли, Павлыч, хочу дома портативный сварочный аппаратик заиметь. То да се приварить по хозяйству.

– Хорошее дело! – одобрил умелец. – Так я тебе и горелку смастрячу. Как игрушку сделаю, посылай хоть на выставку.

– А вот горелку, дядя Костя, не надо. Я уж сам. А резьбу на шесть сделай. Ладно?

– На шесть так на шесть. Послезавтра приходи за заказом.

Чунасоцкий еще не вышел из гаража, как мастер начал швыряться по углам, отыскивая лист нержавеющей стали.

Уже через день Славик держал в руках грушевидную капсулу с краником и резьбой. Отличная вещь.

– Дядя Костя, – не отходя от кассы, попросил Славик, – а ты не закачаешь мне эту бандуру ацетиленом?

Народный умелец рассмеялся.

– А я, Слава, уже закачал. Надо же мне было испытать изделие.

– И сколько с меня за ацетилен?

– Да нисколько. Это уж я от себя, с походом, как на рынке говорят.

– Ну, спасибо тебе, дядя Костя!

– Пользуйся на здоровье. Кончится – еще приходи.

Вечером, когда Галка была на дежурстве, Чунасоцкий приступил к хирургической операции. Надо было втиснуть баллончик в оболочку термоса. Вошел тютелюк в тютелюк, как патрон в патронник. Осталось только приложить вырезанное днище термоса и запаять его. Паяльник у Славика имелся, и вскоре он уже качал на руке заметно потяжелевший термос. Сверху он залет капсулу кофе, закрутит пробку и наденет колпачок. Тройная защита.

Однако, хоть и сказал дядя Костя, что ничего страшного, а все-таки «очко играло», когда шел утром к проходной. Для страховки он купил еще одну пачку чая со слонем на этикетке, «Элефант» называется; но выкладывать ее не пришлось. Прошел вертушку как ни в чем не бывало, хотя земля горела под ногами. Странно, но бдительная Анна Алексеевна, Розовая Змея, даже благосклонно улыбнулась ему, сияя розовыми щеками.

Ура, все складывается как нельзя лучше. Переодевшись, он принес термос в лабораторию, где работал на пару с Акимычем, и тут выяснилось, что ему еще раз здорово подфартило: напарник залег в больницу и, говорят, надолго – язва желудка. Один в лаборатории, делай, что хочешь.

Не надо и говорить, что работу он в тот же день забросил. Засел за горелку. Бронзовых и латунных трубочек, резиновых и прорезиненных шлангов валялось по закоулкам лаборатории достаточно. Руки у Славика были еще тем концом вставлены, и горелка получилась не хуже заводской. Вот тебе и бизнес: хоть сейчас неси аппарат на продажу, любую цену дадут. Надо будет как-нибудь скооперироваться с дядей Костей.

Однако не до бизнеса, не до кооперации было ему сегодня.

Стационарный баллон с кислородом в лаборатории имелся.

Еще раз проверив, закрыта ли дверь, он приступил к священнодействию. Дрожаящими от нетерпения руками зажег спичку, поднес ее к горелке и слегка открыл вентиль. Вспыхнул факелок, который, когда подкрутили, перерос в голубоватое свечение. Открыл вентиль побольше – гудение стало яростным. «То-то тяга хороша!»

Тут же, не откладывая ни на минуту, он поднял с пола кусок платиновой проволоки и положил его на асбестовый лист. В считанные секунды проволока раскалилась и стекла компактной капелькой. Что и требовалось.

Еще раз «ура!» Операция по хищению стратегического драгметалла подошла к апогею.

В том же асбестовом листе он выдавил карандашом несколько углублений. Залить их расплавленной платиной было делом минут. Когда платина остыла, он вытряхнул отливки на стол – получились чудесные пульки. Увесистые, как раз для детской рогатки. Ага, уже смекаете, в чем дело, догадываетесь о дальнейшем ходе событий?..

Почти вплотную к железобетонному забору НИИРСа подходил легонький штакетник детского садика, куда Чунасоцкий каждое утро отводил свое чадо. Там, на территории садика, за верандами, лежали девственные, не испаханые ребятишками сугробы. Вот на этот нетронутый снежок и обратил Чунасоцкий свое особое внимание. Сугробы прямо-таки притягивали, манили своей неисследованной белизной...

Рогатку соорудить, ясно, не составило труда, тут здорово помогли солидные детские навыки. Он обкрошил обмазку с обычного сварочного электрода, перегнул его пополам, потом выгнул ижицей. Резинку отстриг от противогаса, пылившегося в шкафу. Кусочек кожи посерединке – и больше ничего не надо.

Рогатка вышла отменной, захотелось даже похвастаться ею. Еще захотелось пострелять в охотку. Например, по лампочкам вдоль периметра. Сгорая от нетерпения, с трудом обуздывая в себе стрелецкий зуд, стал дожидаться темноты.

В синем предвечерьи два раза выстрелил через форточку гайками – те улетели далеко. Прислушался. Тишина. Вот тогда он и зарядил кожаный кармашек рогатки платиновой пулькой. Затем второй. Обе они упали в снег возле стенки наванды, совсем близко друг к другу. Вот и хватит на сегодня. Москва не сразу строилась...

Забрать оба драгоценных кусочка не составило труда: пошел с Илюшкой погулять за веранду, побарахтаться в сугробе и сразу увидел отверстие в снегу. Обтаивая, пульки приятно жгли ладонь. Интересно, на сколько потянут?

Страху уже не было.

Явление розовой змеи

Легкий шок он испытал на другой день, когда, опять же под конец рабочего дня, в сумерках, выстрелил из рогатки уже тремя пулями. Сколько ни рылся в снегу, нашел только два кусочка. А третий, вероятно, заоптал. Ну что ж, издержки производства, как и во всяком деле. Чтобы их не было, этих досадных издержек, он снова изощрился умом и стал обертывать драгоценные отливки тряпочками. А тряпочки перевязывать черными нитками с длинным концом. Пулька врежется в сугроб, а нитка будет наверху. Только потащи за нее – и платина в кармане. Как, однако, просто! Даже возгордился Славик своей находчивостью. Жаль, похвалиться никому нельзя.

Дела, тем не менее, пошли у него куда с добром: каждый вечер собирал в сугробе ясак – три, четыре, а то и пять пулек. «Спокойно, осторожно, не жадничай, жадность фраера сгубила», – без конца заклинал он себя и таким образом растянул все на неделю.

Он уже подумывал свернуть операцию: набил, что называется, зоб – пузатенький мешочек ожидал его дома под диваном, тяжеленький, зараза. Пора бы и честь знать, а то весь снег за верандою истоптали с Илюшкой, заведующая уже начала коситься. Да ведь как говорят африканцы: ты ловишь ма-аленькую рыбку, а к тебе подбирается большо-ой крокодил. Случилось непредвиденное...

Бывший член парткома, тайный и явный агент-доносчик, передовик первого отдела, наибдительнейшая Анна Алексеевна, за необычайную розовость щек и очково-гремучий взгляд прозванная научными людьми Розовой Змеей, тихонько кралась вдоль фасада здания с известной целью: глянуть, не выбросил ли кто чего из окон на освещенную, чисто подметенную территорию, дабы потом незаметно подобрать. Бывали, ох, бывали такие случаи. Сколько премий переполучала Анна Алексеевна за поимку. И сейчас бы не мешало. Потому, собственно, и кралась вдоль стены, припадая на полусогнутых. Был конец рабочего дня, окна шестнадцатизэтажной стеклянной этажерки гасли пачками. Подмораживало, и хотелось, очень хотелось тезке Ахматовой в теплую караульную комнату, к чайку с булочкой. Но – чувство долга. Неизвестно, какие фортели могут выкинуть, уходя домой, научные люди. На то они и на-уч-ные. Гораздые, то есть, на выдумку. Нет, к концу дня их только и лови, самое время! Капелька повисла на чутком носу вахтерши, но в азарте слезки, конечно, не замечалась. Озираясь и принохиваясь, держась стены, чтобы не увидели из окон, она проследовала до угла и выглянула из-за него.

И вовремя!.. Чутье и на этот раз не подвело. Вот так Анна Алексеевна, ай да она!..

Закинув головку, глянув на небо, расцвеченное зимним глухим закатом, как хлопьями сажки, покрытое галдящей вороньей стаей, вохрушка тут же и замерла, оторопев. Вот это удача!

Отнюдь не привиделось, не примнилось – наяву различила и хорошо-о различила, как из окна не то шестого, не то седьмого этажа мелькнуло нечто и, описав дугу, упало за пределы территории охраняемого объекта. Ага, еще раз мелькнуло. Скорее, скорее запомнить этаж! Анна Алексеевна стремительно отбежала от стены и опять – чисто перепелка на гнезде – закинула головку. Ну да, ну да: на шестом этаже распахнута форточка, третье окно с краю. Оттуда метали. Вот и свет вспыхнул!

Ах ты, ах ты! Надо бежать, фиксировать случай. Подхватив юбку, она полетела к подъезду этажерки, из которого уже густо вываливались люди. Она предвкушала. И не столько осязательный кус материального вознаграждения в виде отдельного конвертика, сколько сам радостный торопливо-

сбивчивый донос-доклад начальнику караула. Нет, пожалуй, и не доклад даже, а сам факт поимки, задержания. Как он будет изворачиваться, злоумышленник, а Анна Алексеевна – будьте добры, голубчик! – вилами его, как ужа. Одним словом, предвкушалось захватывающее, нескудное шоу.

Голова у нее девически туманилась, с ходу проскочила Анюта дверь начальника караула, ломанулась через голову начальства в кабинет первого отдела, где сидел отставной полковник Василий Борисович. Он был на месте и сбивчивый доклад заслуженной сотрудницы понял с полуслова. Дальнейшие действия экс-полкана были по-офицерски четки, даже показательно четки. Он нажал одну, потом вторую кнопку прямой связи, распорядился: из проходной никого не выпускать, а начальника караула – к нему! Все втроем, не мешкая ни минуты, устремились к лифту.

Чунасоцкий уже успел опечатать дверь лаборатории, когда из лифта вывалилась грозная кампания. С ходу пролетев мимо опешившего эмэ-нэса, троица, как бы одумавшись, застопорила ход, дружно развернулась и устремилась точно на Чунасоцкого. Вохрушка вцепилась ему в рукав.

Запрыгало сердчишко у Славы – попался! Кровь ударила в голову, как бы враз потемнело в коридоре, и он уже не слышал, что кричали на него эти трое. «Говорил же, говорил же – хватит!» – билась в мозгу запоздалая мысль.

Однако другая, важная мысль, что вот сейчас, сию минуту может разрушиться весь его замысел спасения человечества, заставила его внутренне едко усмехнуться и овладеть собой. Великое чувство правого дела придало ему силу маньяка. Он враз оброс иглами и первым делом стремительно выдернул рукав из объятий розовощекой клуши. Потом принял исходную стойку боксера: локти к пузу, кулаки вперед. Как-никак первый разряд, чемпион института...

– В чем дело! – нервно вскричал он и поразился звону своего голоса.

– Сейчас увидишь, в чем! – хладнокровно пояснил начальник караула. Розовая бестия, выкидывая палец, уже пересчитала двери от коридорного окна и встала, как часовой, напротив его лаборатории.

– Потрудись, Чунасоцкий, открыть лабораторию! – приказал начальник первого отдела.

– Вы же видите – она опечатана.

– Отдай ключи!

– Не выйдет, Василий Борисович! Вы же знаете, что я не имею права отдавать ключи посторонним лицам. А вы тут посторонние! Посадили вас на вахту, вот там и сидите! – звон из голоса не уходил. Сам себе удивлялся Чунасоцкий – как он, оказывается, умеет противостоять.

– Ключи! – заорал полковник-старпер и даже руку протянул за ними.

– Шиш вам, а не ключи! – дерзко ответил Чунасоцкий и показал троице настоящий шиш. – Без Льва Моисеевича я вам никаких ключей не отдам. Вот придет завтра Лев Моисеевич, тогда и получите ключи.

Начальник первого отдела кинулся в размышления. Мысли в его сундукообразной голове ворочались туго, но все же, видимо, какая-то подвигка была. Почему он после длительной паузы и сдался:

– Ну, хорошо, друг мой, хорошо. Завтра тебе аукнется. Вы, Евгений Прокофьевич, – ткнул он пальцем в начальника караула, – и вы, Анна Алексеевна, – кивнул он Розовой Змее, и та молодецкато подобралась, вытянулась, как гвардеец, – не пускайте его к лифту. Главное, чтобы к лифту не пробился, а я сейчас еще раз дверь опечатаю, своей печатью.

– Вот это дело! – буркнул начальник караула.

– Ну дак! – удовлетворенно подал голос Василий Борисович, довольный похвалой подчиненного, похвалой своей смекалке.

– А что это вы, Василий Борисович!.. – запальчиво воскликнул Чунасоцкий.

– Я?.. Что такое?

– Что это вы всех на «вы» называете, а меня на «ты». Я ведь с вами на брудершафт не пил.

Наступать так наступать. Главное – спуску этим наглецам не давать. Василий Борисович даже поперхнулся от открытой наглости младшего научного сотрудника, так и застыл с печатью в руке, уже готовой опуститься на пластилиновый нашлепок. Медленно, всем корпусом повернулся он к Славику.

– Ты – это ты. Ты преступник, и с тобой положено так разговаривать.

– Стоп! – крикнул Чунасоцкий. – Свидетели!.. Вы слышали, свидетели, как он меня обозвал преступником? Имею право подать в суд за моральный ущерб. Так что готовьте, Василий Борисович, – тут Розовая Змея даже рот открыла от изумления, – пару-тройку миллиончиков. А возможно, и побольше.

– Напугал ежа голой сракой! – багровея шеей, по-армейски непосредственно отозвался начальник первого отдела. – Не таких орлов в «Смерше» видали! А считать тебя подозреваемым в преступлении есть основания. Вот сейчас спустимся вниз, возьмем понятых и пойдём, кое-что поищем...

– Ищите, ищите... Церберы!..

– А вот за «церберов» ты мне ответишь. Свидетели, слышали?

– Слышали, Василий Борисович! – хором отозвались вохрушка и начкар.

– Ха! – продолжал паясничать Чунасоцкий. – Да вам гордиться бы надо таким словом. Есть даже охранная фирма «Цербер».

– Договорись ты сейчас у меня...

– Свидетели, слышали угрозу?..

Так, препираясь, спустились к душевой.

Раздевался он медленно, стараясь оттянуть время и что-нибудь придумать. А его торопили. Розовую Змею приставили следить, не спускать с него глаз и с голого. Анна Алексеевна, как заправская банщица, встала

перед ним – руки в боки – и уставилась, алея розовыми щечками, хищно, якобы из бдительности, обозревая мужское тело.

– Что? – любопытствовал Чунасоцкий. – Не поразвлекься ли нам малость?

– Бесстыжий!.. Со старухой!..

– Ну какая же вы старуха, Анна Алексеевна!.. Дама в самом соку.

– Тьфу! – сплюнула совсем заалевшая Анна Алексеевна и выскочила из душевой кабинки.

Славик расхохотался, хотя хохотать ему не следовало бы.

Одетого, его повели в аккурат на территорию детсада. Где-то там, возле верандочки, копилась, набухала угроза, и нешуточная. Чтобы отвлечься, он замурылкал песенку.

– Прекрати! – как-то интимно, как своя женщина, прикрикнула на него Розовая Змея.

– Петь не запретите! – с пафосом, болтающимся на ниточке, воскликнул Чунасоцкий, а ведь уже входили в детсадовскую калитку.

– Пусть попоет! – разрешил Василий Борисович.

Славика ввели на территорию садика, как арестанта. Начальник караула шел впереди, светил электрическим фонариком. Первый отдел замыкал процессию. Ребятишки, уже одетые, но еще не разобранные родителями, высыпали на крыльцо и с интересом наблюдали за взрослыми дядями. Среди них Славик заметил и рябенькое пальтецо Илюшки, раскрывшего в изумлении рот.

Процессия между тем свернула с дорожки налево и направилась по сугробам к веранде. Здесь фонарик начкара растерянно заметался: снег был весь заслужен и уброжен.

«Черта с два они сегодня найдут.»

Славик, конечно, видел, куда упали обе пульки – под куст шиповника. Он и встал к этому кусту, с ухмылкой наблюдая, как дяди и с ними в самом соку тетя яростно пинают снег, ищутся. Фортуна определенно поворачивалась к нему передом: он наступил на обе черные ниточки, вдавил их ботинками в снег и, чтобы окончательно затоптать, подозвал сынишку. Вылавливать сейчас узелки с пулками и класть их в карман было крайне опасно: у вохровцев глаз наметанный.

Вдвоем с сынишкой они так ухахтали снег под шиповником, что теперь уж прощайте, пульки, до лета.

– Папа, а чего это они ищут?

– Прошлогодний снег, Илюша.

– А это как?..

– Ножками, Илюша, ножками.

Василий Борисович свирепо глянул в сторону Чунасоцкого и приказал прекратить поиски. Доказывая усердие, Розовая Змея еще продолжала ковыряться в снегу, а начпер с начкаром закурили. Посовещались, потом

Василий Борисович подошел к Славику.

– Сейчас поведешь нас на квартиру.

– Зачем?

– Будем проводить обыск.

– Санкция?..

– Санкция будет.

– Вот когда будет, тогда и милости просим. – Славик отогнул жесткую руку Василия Борисовича, а чтобы не мешал больше, мягко так опустил бывшего полковника под куст.

Инцидент был исчерпан. Славик немедленно потащил Илюшку домой, а честная кампания поспешила в институт. Звонить прокурору, должно быть.

Бегство из «почтового ящика»

Счастье, что городок был компактен, занимал не больше десяти гектаров. Бегу до дома было три минуты. Нужно было успеть много чего: забрать платину и тикать, срочно смываться из закрытого города. Если даже успеет надежно спрятать мешочек с пульками, то завтра ворвутся в лабораторию, все там перероют, и улики найдутся.

– Папка, ты чего меня не раздеваешь? – канючил Илюшка, пока Чунасоцкий доставал из-под дивана, с его поддона увесистый мешочек, утопленный для маскировки в другой мешочек, с алебастром. Сборы были недолги, даже молниеносны: Славик сунул мешочек, завернутый в газету, в спортивную сумку. Туда же – пару рубашек и трико. Взял паспорт и военный билет, кусок колбасы из холодильника.

Илюшка расширенными глазами следил за отцом.

– К бабушке, к бабушке сейчас пойдём! – успокаивал он сына. – Посидишь у бабушки.

Все собрано. Исторический момент: он окинул взглядом комнату, в которой прожил с Галиной восемь лет, мерцавшую тусклым полированным уютom, портрет жены в красивом витом багете и... чуть не взвыл от жалости. Не к себе – к ней, к Галке.

Илюшка во все глаза смотрел на отца, чувствуя неладное и пытаясь понять трехгодовалым умом, что же происходит.

Потащились к теще.

Как хорошо, что все в этом городке, поставленном на попа, рядом. Спустя минуту он был уже у тещи, сбивчиво объяснял ей, что срочно уезжает в командировку, а Галке звонил – не отвечает, наверное, на вызове. Попросил погоду отвести внука домой и сообщить Галке об отъезде. Продолжая нести еще какую-то околесицу, Славик вдруг осекся: зрачки тещи под сильно диоптрированными очками, кажется, шевелились сами по себе, как капюшон у кобры, вырастали, вырастали и вдруг в какое-то мгновение выросли до величины коровьих... Неробкого десятка был

Славик, выходил на ринг и дрался с амбалами, не испугался Василия Борисовича с начкаром, даже сексуальные услуги Розовой Змее предложил, но исполненные животного страха воловьи очи дорогой и любимой тещи повергли его в первобытный ужас. До самых пяток пронял его этот ужас, и когда мамаша номер два, расклепав руки, как ловец, шагнула вперед, волосы у Чунасоцкого зашевелились под вязаной шапочкой.

«Чур меня!..» – прошептал он, медленно пятясь. Теща следовала за ним, как магнитная стрелка. И в тот самый момент, когда она уже готова была в последнем броске вцепиться в него и телом закрыть путь к отступлению, зять сделал такое козлиное антраша, что в момент оказался у двери. Он успел выдернуть из двери ключ, вышмыгнуть на площадку и, метко и четко вставив ключ в замочную скважину, сладострастно повернуть его. Уже не слушая, что творится в тещиной квартире, Славик ринулся по лестничным маршам вниз.

Спортивной трусцой, создавая видимость моционной пробежки, миновал подъезды тещино дома и выскочил в аккурат к автостанции. И здесь его ждала очевидная удача. Сверкающий и роскошный, как императорская карета, попыхивающий дымком «икарус» уже был заполнен пассажирами. Шофер практически на ходу впустил Славика. Он кинул водителю пятитысячную, прошел в самый зад салона, укрылся за высоким рядом почти самолетных кресел.

Подъехали к проходной. Успел или нет начальник первого отдела сообщить сюда? Если сообщил – крышка. Нет, Василий Борисович явно не ждал такой прыти от Славика, он сейчас наверняка дозванивается до прокурора. Не так-то все скоро у них, бюрократов.

Прапорщик охраны лениво, для отвода глаз, заглянул в салон, Славика за рядом кресел, кажется, и не заметил. Ну да, выпускают из номерного городка всех, вот только впускают с морокой.

«Икарус» вырулил на лесное асфальтовое шоссе и сразу набрал скорость.

Прощай, ОЛП № 28! Да-да, ОЛП – именно так звали городок в народе – выросло лесное поселение на базе двадцать восьмого отдельного лагерного пункта, выстроили почтовый ящик зеки. Никто не исследовал психологию людей, живущих внутри охраняемого объекта, внутри многочисленных «почтовых ящиков», но она наверняка дефектна. Ведь вот он, Славик, вырвался за кольцо – и сразу вздохнулось. Выскользнул-таки, прошмыгнул сквозь игольное ушко.

Однако надо подумать о дальнейшей диспозиции. А она такова: до станции 37 километров, «икарус» наматывает их за полчаса. На станции постоянно воинский патруль, милиция. Если позвонят за эти полчаса, его тут же, у двери автобуса, и возьмут. Вспомнил еще раз тещины глаза, и всего, до пят, передернуло. Нет, рисковать не стоит. Теща, видимо, отличный гипнотизер: после ее кобрового взгляда ум у Славика начал работать, как у грессмейстера. У поворота на деревню Дева Чунасоцкий

попросил водителя остановиться. Нарочно в свете фар перешел на другую сторону шоссе, решительно пошел по проселку к Деве. Водитель это заметил, память у всех шоферов мира компьютерная. Но как только «икарус» скрылся из вида, он, конечно, сразу же вернулся на шоссе и опять же спортивной трусцой устремился вслед за автобусом. Бежать надо было метров семьсот, до того именно места, где шоссе пересекала вихляющая меж сосен тропка, по которой жители Девы напрямую добираются до железнодорожной платформы.

Железная дорога грохотала справа – она шла под углом к шоссе. Сейчас то еще время, пиковые электрички идут одна за другой...

Ему ли, бывшему сержанту конвойных войск, два года отпахавшему в настоящей, истинной столице Коми-лагерей Сосногорске, ему ли не знать, как ищут беглецов. Стояли дозорами на холодных тропах Урала, подкарауливали беглых зеков на подходе из гиблой тундры к спасительной тайге. Сиживали с караулом на ледяных фермах моста через Ижму. Угольный поезд из Воркуты перед мостом специально замедлял ход, дабы солдаты сверху могли проверить каждый полувагон, поискать, не окопался ли в нем беглый зек. Заметил – стреляй, затем прыгай в следующий полувагон и конвоируй беглеца до ближайшей станции. Служба еще та...

Платформа, освещенная двумя или тремя фонарями, была пустынна. Славик и здесь проявил осмотрительность – не пошел под фонари, а стал ходить взад-вперед по тропке с тем расчетом, чтобы успеть подбежать к электричке. К той, которая первой подойдет.

Город венского барокко

О, Одесса, город-кафешантан, сплошной аттракцион, вынесенный фасадом в «белую пену акаций» и праздничных волн. Барочно-ампирный торт на блюде Черного моря. Солидными чайками расселись вдоль гудящего, звенящего, как пчелиные соты, берега белоснежные корабли, а Воронцовский маяк, беленой церковкой выходящий из воды, и принимает, и напутствует их. Вон туда, за романтическую дымку горизонта, к загадочному Босфору день-деньской идут крикливые караваны.

О, венское барокко Оперного театра, каравай, оснащенный витушками и кренделями, бюстами богов, героев и кентавров.

О, сановитый венецианский шик и помпезность, флорентийская готика Пушкинской, гостиница «Красная», перед которой в тени платанов революционно поблескивает брусчатка.

О, вечная, как заведенная карусель, гульба на Дерibasовской, памятник Дюку в раритетной зелени-патине и величественная лестница – проспект, окунающийся в море...

А как же мне не упомянуть одесские дворники, пропахшие жареной скумбрией и прованским маслом, пересыпанные сверкающей солью, проложенные острым перцем прелестного, ни с чем не сравнимого жаргона:

*Мац ракишку не пускает,
Сара не прокаиват.
На кажинную молвашку
Кумушку пошвариват.*

Какой мац, какая ракишка!.. И интересно, почему это он кумушку пошвариват именно на кажинную молвашку. Что он, и перерыва не знает?..

Одним словом, Одесса. Кто не любит этот город – тот враг мне.

Если ехать вдоль моря на запад, то пойдет дачная местность Большого Фонтана. Целых тринадцать станций, то есть трамвайных остановок. Сойдите где-то в районе одиннадцатой станции, и вы попадете в царство тихих переулков, где белые бессарабские домики, вдоль нагретых стен которых взметываются аж до чердаков кустарники роз. Розы алеют, напоминая о вечном празднике жизни, пахнут жарко, неистово, напоминая об Испании, о цыганке Кармен. И есть там, в двух шагах от ослепительной, хрусталем бьющейся синевы марины, тихий, заросший старыми абрикосовыми деревьями, с горлинками и удодами дворик. Черешня янтарно светится из полутьмы...

Когда-то в глубине двора стоял аккуратный флигелек, в котором родилась, закричала на божий свет Аня Горенко, будущая царскосельская грешница, великая страдальца с божественным эллинским профилем.

Итак, читатель, мы в Одессе, роскошном, как постель фаворитки, граде. Сюда прибыл благополучно и заурядно – на верхней полке плацкартного вагона – наш герой, дабы под сенью ненаглядной няньки Украины отсидеться от погони да сполагоря и сбуть платину.

О, этот прима-город, адамант порто-франко, зеленоглазый дракон в накрахмаленной манишке, пуще всего любит хищный блеск камушков и плотоядную сыть драгметаллов. Тут, в славяно-еврейском с густой турецко-греческо-айсорской примесью тигле вскипает, как пена в запорожском котле, перегорают загадочная нация ювелиров, которая в мини-доменках плавит и отливают проклятый металл, режет и шлифует преступные камушки.

И именно в то местечко Одессы, где черешни, розы и дворик Ахматовой, на улицу художника Костанди прибыл с легкомысленной спортивной сумкой на боку Славик Чунасоцкий. На боку сумки было кокетливо выведено латиницей многозначительное слово «Ника». Именно тут Славик, отдыхая с Галкой дикарями, еще до Илюшки, останавливался у некоего хозяина фамилией Рымарь именем Федор, жил две недели в беленом известкой чуланчике.

Федор странным образом узнал его, выделил из массы отдыхающих, охотно поселил за российские тугрики, которые, хоть и деревянные, а шли здесь по меньшей мере за голландские гульдены или датские кроны. Ты этого что ли хотела, дражайшая нянька?..

Федор даже паспорта не попросил для отметки в домоуправлении – прошли, видимо, и на «вильной Украине» поднадзорные времена.

– Тебя ведь Славой зовут? – только и спросил он, доставая чистое белье.

– Им был. Сколько ты с меня, Федор, возьмешь?

– Сорок не много будет?

– Кусков? В день?

– Что ты!.. В месяц.

– Идет! – поспешил согласиться Чунасоцкий. – А в какой валюте будешь брать? Рублями или купонами?

Биндюжным матерком выразился хохол Федор Рымарь по поводу отечественной валюты – бесцветных картинок, похожих на трамвайные талоны, идущих уже 37 к 1 рублю. Не надо ему самодельных ненькиных денег, подавай привычные.

Блаженный миг. Вскоре Славик – после двух-то дней на вагонной полке – уже нежился на скрипучей солдатско-общежитской койке, в чистых, вкусно пахнущих и слегка похрустывающих прохладных простынях, смотрел с благодной нежностью на угол, из которого, украшенный рушником и бумажными цветами, высвечивался лик Божьей Матери – общей для обоих мясницки разделенных народов святыни. Богородица как бы обласкивала его, утешала, как малое дитя, сообщала, что все будет хорошо. И было действительно хорошо и покойно, как и до позавчерашнего дня.

Перекреститься бы ему, да не умел, к сожалению. Да и не верил он ни в какого Бога, просто слегка побаивался его в иные затруднительные минуты. Эх, жизнь!

Зимний Эвксинский Понт отчаянно штормил, досылал свою бурю и грохот и до беленого чуланчика. Разыгралось морюшко, наверное, доплекивало оно в сей момент и до чугунной скамейки с мраморным молитвенным столиком, установленным на самом срезе берега в память об Ахматовой. В летнее время на этом столике никогда не вянут живые цветы.

Атака на ювелира

Айсор был толст, как бочка. Нос, увесистая слива, был как бы истыкан иголками – весь в склеротических жилках. Седые брови шалашной кровлей нависали над припухшими щелками глаз.

Айсор был мудр, стар и гордился тем, что он, айсор, достиг солидного положения – в единственном числе владеет ювелирной мастерской в городе, еще помнящем и вздыхающем о порто-франко – беспопылинной торговле, когда в Одессе было все, что могло быть на свете. Обычно айсоры выше чистильщиков сапог или носильщиков на вокзалах не вырастали. У айсоров, как и у цыган, нет родины, их родина – большая и малая – там, где они сами. Для нашего ювелира родиной была, несомненно, Одесса.

Бог благословил его этим прекрасным местом, и больше никаких стран, никаких городов ему не надо было.

У айсора было много, очень много денег и много детей. Каждый из восьмерых наследников в разных местах Союза был, слава Богу, богат и имел свое дело. Но у детей было еще больше своих детей, его внуков, которым надо было помогать сделаться состоятельными. Так что мастерская айсора не закрывалась с утра до вечера. Надо было, несмотря на преклонный возраст, кормить внуков, кормить рэкет, уличный и государственный – в виде налоговой инспекции, милиции, пожарников, санитаров, метрологов и прочих причиндалов. Этот государственный рэкет был не в пример оголтелее и ненасытнее. Самому же старику уже ничего не надо было.

Удачному ведению дел способствовали его феноменальные, на грани паранормологии, способности. Айсор знал с первого шага, кто с чем входит в мастерскую. Даже не отымая глаз от столика, за которым работал, по одному звуку шагов мог он сказать, что за человек пришел. Его как бы сонные и ленивые, заплывшие старческим жирком глаза видели насквозь. И мозг безошибочно, компьютерно выдавал: этот берет только зеленые, пришел с крупной добычей, а тот и купонами удовольствуется. Либо бутылкой коньяка, либо двумя бутылками водки.

Да-да, есть и такие ставки в ювелирной практике.

И когда в мастерскую однажды утром вошел с некоторой оглядкой долговязый молодой человек, дремотные айсоровы глаза привычно, заученно отщелкали и вычислили его. Этот молодой человек несет крупный куш. И куш этот на него с неба свалился. Впервые. И скорее всего куш этот украденный. Вот что, как на гармони, проиграл опытнейший айсор одним только взглядом. И, как мы знаем, не ошибся. Да и как ошибиться – флюиды, исходящие от долговязого, говорили сами за себя. Мог бы айсор, старый тетерев, сейчас же и рассказать, что за характер у вошедшего, каковы его привычки, пристрастия, нрав, словом, все, вплоть до родословной. Но зачем это нужно, да-а?.. Ювелиру взятку подавай, крупную добычу вываливай.

Неуловимое заискивание, проскользнувшее в слове «здравствуйте», только утвердило в мысли, что данный клиент далеко не пуст.

Но – ни ухом, ни рылом не повел матерый. Слегка качнув головой на приветствие, продолжал ковыряться за столом в сущей безделице – перстне с бриллиантом. Клиенту оставалось только ждать и нервничать. О, не думайте, что ювелир перстеньком занимался. Отнюдь. Он посылал по другую сторону стойки телепатические токи. Он привычно разоружал клиента, готовил его, как кушанье, доводил до легкого мандража, до панической мысли, что все о нем, клиенте, знает, и никуда тому не уйти. Показное равнодушие к посетителю тоже входило в арсенал.

И наконец, как обвал – теплое, совершенно родительское расположение, максимум внимания и заботы. Этот переход ото льда к кипятку давал

поразительный эффект: клиент мигом выпучивал глаза, как рыба в котелке, и становился готов к употреблению. Стар был он, Дивид Филимонович, заниматься такими играми, о Боге бы надо было уже думать, но ведь привычка. Мать родная.

– Что у вас, юноша? – добрее голосом, теплее взглядом, сразу омоложив Чунасоцкого десятка на полтора лет, интимно спросил он нашего героя.

– Да вот... Платинка тут у меня... – пропищал Славик.

– Стратегический товар? – грозно наклонился вперед айсор и прожег Славика взглядом, вышибая из него последние мозги.

– Хочу сдать на деньги.

– И много у тебя платинки? – общинчески понизив голос, задушевно поинтересовался старый лис.

Но нет, не все, видать, мозги были проедены айсоровой телепатией, в уголках оставалось.

– Да вот, два кусочка, – предательски оглянувшись на дверь, Славик вывалил на стойку эти самые кусочки.

– Да вы не бойтесь. У меня электронный замок. Щелк – и никто не войдет, – провокационно сообщил ювелир, тем самым до конца раздевая посетителя. – Не бойтесь, нам здесь ничего не грозит.

Айсор нажал незаметную кнопку, вделанную в стол, и сзади, за спиной у Славика, что-то щелкнуло со звоном, как старинный сундук. Чунасоцкий вздрогнул.

– Не пугайтесь! – мягко повторил айсор, как бы уже совсем погружаясь в секрет долговязого, становясь поверенным его тайн.

Какое там «не пугайтесь»? Со щелчком из задней двери моментом выскочили два мордovorота, славянские личины которых отнюдь не исключали бандитских наклонностей. Ювелир, не глядя, сделал от-машку, и мордovorоты скрылись. Все, обработка клиента завершена.

Славика только и оставалось закрыть рот. Н-да, Одесса-мама – это вам не дядя Ваня и тетя Маня.

Айсор между тем небрежно смахнул камушки со стойки и потрогал себя за сливу носа. Задумался.

– И это у вас все?

– Ну, положим, еще найду...

– Приносите! – ювелир вернул платину Чунасоцкому. – Приносите все сразу, за все сразу и проплачу. Это что?.. Мелкая партия, мне не нужна, куда я ее пристрою?

– А сколько будет стоить, к примеру, один грамм?

– Не бойтесь, старый Дивид не обидит. Заплачу хорошо.

– А авансом не могли бы?.. За эти два кусочка. Понимаете, с деньгами у меня напряженка. Жить не на что.

Старый айсор почесал за ухом. Он был добр, неисчислимый поток денег, проходящий через его мастерскую и параллельные системы, позволял это.

Поэтому он смахнул комочки себе на ладонь. Кинул платину на аптекарские весы, поманипулировал гирьками. Из открытого полупотайного сейфика хлынула на Чунасоцкого радуга валютных пачек: долларов, рублей. Пятитысяччерублевые были цвета жидко разведенной крови. Айсор достал, однако, пачку купонов, вопросительно поднял ее перед Славиком.

– Трамвайные билеты мне не нужны.

– А рублями?

– Можно и рублями.

– В какой же гостинице вы, молодой человек, остановились? – как бы из простого любопытства спросил Дивид Филимонович, отсчитав Славика несколько пятидесятирублевых бумажек.

– В «Красной»! – не моргнув глазом, соврал Чунасоцкий.

– О, хорошая гостиница! Гуд гостиница. И давно проживаете? Давно прибыли в наш замечательный город? – задал он тактически нейтральный вопрос, на которой клиент ответил правдиво, не полукавив:

– Да вот вчера и приехал.

Вопрос о сроке приезда, с виду празднично-любопытный, был, однако, не так безопасен, как могло показаться.

Едва электронный замок, приведенный в действие уже не кнопкой, а потайной педалькой, как в банке, открылся и клиент вышел вон, айсор немедленно преобразился: оплывшие, как бы сонные черты его неузнаваемо отвердели, точно обветрились, уши прижались. Сидел за столиком уже не добродушно копающийся в побрякушках дедуля, но сущий волчара. Он стукнул в заднюю дверцу, и оба мордovorота тотчас выскочили, уставились на патрона с неумолимым выражением – кого отдубасить?

Дивид Филимонович плавно повел рукой, как по линии горизонта, остановил ее напротив окна и повелительно бросил:

– Проследить!..

Охранники сумасшедше протопали к окну, засекли долговязого на трамвайной остановке и через заднюю дверь вылетели на улицу.

Тем временем айсор снял телефонную трубку и набрал номер администратора гостиницы «Красная». Выяснилось, что никакой длиннорослый приезжий ни вчера, ни в ближайшие дни в «Красной» не поселялся.

Он еще раз стукнул в заднюю дверцу.

Преследование

Ювелир Славика сразу не понравился. Странные чувства испытал он там, в мастерской: чувство животного, попавшего в убойный цех, на заклание, на жертвенный костер. Ювелир лишь глянул на него – и повеяло первобытной жутью. Особенно жутко стало после замочного щелчка за спиной.

Такси не было видно, зато к остановке с обеих сторон шли трамваи. Затылком чувствуя взгляд из ювелирной мастерской, Славик прыгнул в

первый подошедший, идущий к центру. Все верно – утвердившись на задней площадке, краем глаза все же усек: выпялился из окна ювелир, провожает его. Мало того, синхронно с трамваем из двора выкатил жигуленок и пошел вровень с трамваем, не обгоняя.

Оба цербера уже успели сбросить камуфляжные куртки и теперь сидели один в свитере, за рулем, другой маскировался на заднем сиденьи. Опытные, видать, не первый раз преследуют, дело привычное, ужаснулся Славик. Паршивый холодок коснулся низа живота, отозвался в пятках. Вот об таком метко говорят: «очко сыграло». Однако их двое, дело еще не так худо. Надо отрываться, благо, данные для этого были: те же длинные ноги и второй спортивный разряд – километровку пробегал за две пятьдесят. Правда, это когда еще было!..

Кое-какой опыт по отрыву, правда, шутейный, у него по этой части имелся. Однажды в Москве, на станции метро «Новослободская» он ожидал друга и от нечего делать рассматривал некие надписи на одном из стеклянных витражей. Что-то вроде месопотамской клинописи было начарапано на колонне. Подошел друг, стали изучать вместе, тыкать в клинопись пальцами. И тут же обнаружили хвоста, который и не скрывался, почти в открытую наблюдал за ними. Они в вагон, он – следом. Они вышли на «Киевской» в вокзальную мешанину, и он тоже. Что за чудо природы! Они, шуты гороховые, легкомысленное студентье, решили позабавиться, поиграть с огоньком. Делают переход на другую линию – следом мелькает в толпе его асфальтовая кепочка с педерастически коротким козырьком. Они в вагон, а он, если мало народа, в соседний. Проходит в торец вагона и смотрит на них через стекло. Серенький такой, неприметный мужичонка, точно мухами всю жизнь питался. Дурацки шуткуя, озираясь, они еще на виду у типа обменялись портфелями, подлили масла. Наконец, изрядно поизмотав филера, решили сорваться. На спор – смогут или нет. Встали у двери вагона, филер приник к стеклу в соседнем вагоне, не спуская с них глаз. И вот в последнюю секунду, когда приятный женский голос учтиво предупредил: «Осторожно, двери закрываются», и двери, испуская дух, зашипели, пошли друг на друга, они, попридержав створки, выскочили на перрон. Затем, сгибаясь от смеха, откровенно показывая пальцами на обмишулившегося типа, сделали ему ручкой.

Напрасно, однако, они смеялись и так неосторожно шутковали: к вечеру, наездившись по Москве по отдельности, оба оказались в одном отделении милиции – возле Пушкинской площади. За баловство пришлось провести негостеприимную ночь на жесткой скамейке в маленьком прикалеточке. Утром пришлось давать показания, писать обширные объяснительные. Очень хорошо, очень верно выразился народ по поводу того, кто смеется последним. Они пришли к выводу, что тогда хвостов было два: явный и тайный, и наперед зареклись шутить с серьезно налаженной государственной машиной следежа.

Здесь следеж был частным, попахивал криминалом, второго хвоста не могло быть. Надо было убежать от этих самодельных вертухаев, элементарно сделать ножками. Пока они выскочат из своей «девятки», он успеет сдать стометровку.

На очередной остановке он протолкался к двери, открыто изготовился к выходу, и ребята в «Жигулях» это заметили. Они опрометчиво рванули вперед, до следующей остановки, где, вероятно, остановились ждать. Впрочем, Славик этого не видел. Ждать было себе в убыток. Еще электрическая машина, отрезавшая когда-то голову Берлиозу, не успела набрать ход, как Славик нажал красную кнопку аварийного выхода, дверь отошла, и он порскнул в образовавшуюся щель, ловко пересек смертоносное пространство перед тяжелым «КамАЗом» и ударился в бега, ввалил стометровку по скверу, потом юркнул в какой-то двор – дворы, дворы, как в фильме о бандитах времен НЭПа, его спасение. Пересек переулок, опять попал во двор и, выбежав из него, понял, что оказался в безопасности, никакой поgone его теперь не разыскать. Отрыв прошел четко. Вот что значит московская тренировка!

Побродив в парке «Аркадия» до сумерек, он уже затемно вернулся на Костанди, к своей уютной комнатке с солдатской койкой и, ничего не сказав хозяину, лег спать.

Но радоваться было рано. Утром, как от щелчка по носу, он проснулся от острого чувства тревоги. Едва отдернул край занавески, как тут же запахнул его. Какая-то дьявольщина: его вычислили, выследили-таки. Теперь уже не двое, а трое молодцов стояли у металлической калитки и настойчиво ломились в нее, требовательно нажимали на кнопку звонка – далекие трели его долетали из покоев хозяев, которые, вероятно, уже ушли на работу. Вчерашний «Жигуль» упирался прямо в калитку. Этот хозяйски воткнутый «Жигуль», непрерывные наглые звонки встревожили не на шутку: бандиты прут, как к себе, ничего не боятся и ничего не опасаются.

Славик изрядно струхнул. Однако, как и всегда в минуты опасности, к нему пришла злость и решительность. Надо было что-то делать. Ведь вот сейчас ворвутся, и исход предрешен. Застрелят, задушат, расчленят и вынесут по частям труп спасителя человечества вместе с мешочком платины. Выкинут где-нибудь на помойке, чтобы вороны расклевали – и никаких следов. Хорошенькая перспективка!

Он опять глянул в щелку занавески. Троица совещалась. Один из бандитов начал ощупывать ажурную решетку, явно намереваясь перемахнуть ее. Мосластый, с приплюснутым, как у монгола, носом. Вот он взял в руки два прута решетки и легко раздвинул их, похваляясь бицепсами. Да, накачаны аргусы что надо. Все, конец?..

Он вынырнул из-под одеяла, оделся в тренировочный костюм. Достал из-под кровати, из дорожной сумки мешочек платины. Вполне понятно: сам он преследователям не нужен, охотятся за металлом. Вот эту платину

он в крайнем случае выкинет им в окошко. А сам забаррикадируется. И будет кричать, звать на помощь. Может, кто-то прибежит, может, бандиты из осторожности сами смяются, захватив платину. И тогда он через сад выберется на соседнюю усадьбу и окажется на параллельной улице. Это один выход. А второй?..

Все случилось, однако, стремительно и вовсе не так, как он ожидал. Троица уже взломала калитку, приплюснутый остался стеречь ее, а двое вчерашних преследователей пошли по кирпичной дорожке в глубь сада, к дому. Обошли ею и, найдя замок на хозяйских дверях, направились к его флигельку. Решение пришло немедленно. Славик потихоньку вышел в коридорчик и снял крючок. Здесь, в коридорчике, вдоль стены шли полки с соленьями, вареньями и хозяйственной утварью, а были эти полки для приличия забраны цветастой занавеской во всю стену. Вот за эту занавеску он и встал, как Павел Первый за ширму в Михайловском замке. Расчет был прост: они пройдут сразу в комнату. Истерическая параллель с гроссмейстером Мальтийского ордена оптимизма не прибавляла, но все же он, сжимая в согнутой правой увесистый платиновый ком, готовился продать свою жизнь подороже, чем рохля Павел, хоть одного да замочить. Пушечный прямой удар правой – и мозги на стенке.

Эти двое, как и ожидалось, проследовали напрямиком в комнатушку. Славик выскользнул из-за занавески и в секунду запер их, защелкнул на старинный засов и вддел в петли замок, висевший по случаю. Всех-то дел – два поворота ключа. В комнатушке застучали и завывли:

– Открой, пес!

За окно в комнате он не беспокоился: штыри старинной решетки уходили глубоко в стены, не выломают.

Криво улыбаясь, покачивая на ладони злополучный мешочек, он поспешил по кирпичной дорожке к калитке – к третьему злодею, который поджидал его, улыбаясь не менее криво.

Мотор «девятки» работал.

Левой Славик стремительно отпахнул калитку, а правой, утяжеленной с виду мирной полотняной котомочкой, нанес сокрушительный удар прямо в приплюснутый нос. Что-то мерзко хрупнуло, бандит рухнул на землю и страшно закричал:

– Ма-ама-а!

Мешочек от удара треснул, несколько пулек упали на землю. Чунасоцкий поднял их и хладнокровно пнул поверженного противника. Морда у того была страшной – сплошное кровавое месиво. Бандит стонал, катался по земле и все звал маму. От флигелька, очевидно, для поднятия духа – мы, мол, рядом! – хлопнули два выстрела. Пули прошли высоко в листе.

Славик достойно уселся в бандитский «жигуль», посигналил попавшим в западню бандитам и врубил газ. За руль он садился второй или третий раз в жизни, но экстремальность ситуации помогла, и по Констан-

ди он проехал довольно сносно. Вырвался к морю, на улицу Перекопской Дивизии и по ней устремился направо, к Ильичевску. Светофоры шелкал, как семечки, трамвай весело трезвонили ему вслед, вся Одесса ахала и любовалась на его безграмотную, но такую лихую езду, пока у Дачи Ковалевского он благополучно не въехал в кювет. Не ожидая прибытия людей в кожанках и галунах, Славик скорым шагом пересек трамвайное кольцо и углубился в зеленую зону окраинной Одессы-мамы, обошедшейся с ним хуже самой злой мачехи.

Тем хуже для Одессы, ибо мы вынуждены теперь перенести повествование в другие, более сердечные города.

НЛО во время юбилея

Стол, вернее, два сдвинутых стола были накрыты на 21 персону – классическое очко. Во главе стола, с торца, должен был бы по идее сидеть виновник торжества Владлен Иконников, в кругу друзей просто Икона. По идее, друзья должны бы были сейчас чествовать Икону, поздравлять его с кругленькой датой – полтинником, перескоком стрелок на шестой десятке, дарить знатные подарки и говорить занимательные речи. Но это – сугубо по идее. На самом же деле как ушел он, паразит, два часа назад пить пиво, так и не возвращался.

Прокисал и заветривался салат в огромной васильковой салатнице, се-ледка под свекольной шубой распространяла терпкий непримиримый запах, да и другие кушанья чувствовали себя виновато и неприятно.

Но больше всего нервничали гости: играя желваками и поминая по матушке именинника, то и дело выходили курить на балкон, обозревали улицу. Двое резались в углу в шахматы, предусмотрительно поставив под хохломской столешницей откупоренную бутылочку. Кто-то бегал к ближайшим пивным чапкам. Нет нигде Иконы. Хозяйка Лидочка, мечась от кухни к столу, устала упрашивать гостей начинать без паразита.

Часу уже в третьем, после долгих препирательств, ворча и поругивая именинника, все же уселись, хмуро, как на поминках, выпили и зазвякали вилками, наперебой полезли к васильковой салатнице. Лидочка убежала на кухню за первым.

И вдруг все смолкли. Позже, когда участников обеда расспрашивали, они говорили, что и сами не могли понять, отчего вдруг замолчали. Как будто милиционер родился. Как будто некая тень нависла над пиршественным столом. И в самом деле тень – яркая трехрожковая люстра вдруг жалобно замигала и погасла. И еще: угрожающе мощно задребезжали стекла, точно по улице проходила тяжелая техника, скажем, колонна танков. У женщин, как на взлете самолета, заложило уши. Некоторые гости ощутили страх, как будто с улицы, с балкона на них надвигалась неотвратимая опасность, будто они обречены. А другие ничего не почувствовали.

И вот всех разом отпустило, всем полегчало, свет вспыхнул, и на балконе появился, прямо-таки нарисовался из воздуха, как черт-Коровьев, совершенно реальный, во весь рот улыбающийся Влад Икона.

Кто-то, кажется, один из игравших в шахматы, свирепо оттолкнув Влада, кинулся на балкон проверить, сколь высоко растут деревья под балконом. Шахматист, мудрая голова, слышал на днях по радио передачу об одном старом артисте, который был большим хохмачом и как-то, возвращаясь поутру домой из театра, нанял пожарную машину, по ее лестнице поднялся на подоконник своей квартиры и сел на окне четвертого этажа, болтая ногами. То-то изумилась вышедшая из спальни жена великого артиста.

Но шахматист не узрел с седьмого этажа ни пожарной машины, ни чего другого подобного. Да и не могла пожарка достать лестницей до седьмого этажа, а деревьев, так тех под окном вообще не было, лишь росли какие-то кусты.

Изумились все выше всякого предела.

Мало того, что Икона явился загадочным путем, и впрямь, как икона, он еще и держал перед собой какой-то дрянненький столовский поднос, на котором горой были навалены фрукты. Да не наши, крымские – виноград или абрикосы, а экзотические, даже ультраэкзотические: похожие на ливерную колбасу какие-то фиолетовые загогулины неизвестного прозвания, шоколадного оттенка картофелины с блестящими волосками – киви, а еще знакомые всем бананы, апельсины и огромный, размером с компотницу, ананас. Гостей больше всего потрясло, что фрукты прибыли с листьями, и листья эти были свежи, точно только что сорваны. Они распространяли ослепительный аромат, какой абсолютно отсутствует у фруктов, продаваемых в овощных магазинах и с лотков. Вот что было поразительно.

– Освободи, киса, место для даров солнечного Мадагаскара! – паясничая, закричал юбиляр жене. – Так сказать, от солнечного Мадагаскара – солнечному Крыму.

Киса, она же Лидочка, невозмутимо начала передвигать тарелки, освобождать место для фруктов, точно ей таким делом приходилось заниматься частенько.

Гости потрясенно молчали, у некоторых даже приоткрылись рты.

К столу не сажались.

Корреспондент Феодосийской городской газеты Витька Сычек, одноклассник Иконы, победил в прихожую за блокнотом.

– Так ты, Икона... вот те на! Правда, что ли, на тарелках летаешь?

– Прости, Сычок! – развел руками Влад. – Иначе не мог, как через балкон.

– А чего же мы тарелку не видели?

– А это не всем дано! – Было не понять, отшучивается Влад или говорит всерьез. – Тебе, Сычок, точно не дано. Врешь много и дерешься, – подытожил Влад под общий смех.

– Да ну, его слушать! – буднично отмахнулась Лидочка. – Все уши прожужжал мне этими тарелками, а хоть бы раз показал. Я уж не говорю, чтобы покатал.

Все схватились за Лидочку.

– Лидочка, расскажи!

– Вот он сам перед вами, спрашивайте.

Гостей давно уж не интересовал стол, нарезая возбужденные круги по комнате, они делали друг другу изумленные мины, качали головами.

Двое шахматистов и завирало-корреспондент осадили Влада, настойчиво упрашивая его сделать приятное гостям, сознаться и все рассказать, как на духу. Влад только руки поднимал, как футбольный фаворит, забивший гол.

Юбилей был скомкан и пущен на самотек, что, однако, не сказалось на его качестве. Гости вволю пили и ели, тормозили Влада. И тот, как небезызвестный барон, катавшийся на ядре, начал расписывать...

И отголоски этого происшествия еще долго гуляли по славному городу Грина и Айвазовского, досточтимой Феодосии-Зурбагану-Лиссу, где, как вы понимаете, и отмечался юбилей. Кто-то видел проплывший по небу сиропно-малиновый, колыхающийся, точно коровье вымя, шар и говорил, что это Влад Икона летит. Кто-то видел вышагивающего по некоей лесенке из-за облаков человека в облегающем комбинезоне и с буквой «Г» за спиной – не то зонтиком, не то антенной. Человек этот стучал молотком, что-то там, в небесах, ремонтировал, и это явление, как пить дать, связали с Владом. От докучных расспросов бедному энэлоплателю некуда было деться. Сажу к дегтю добавила, вылила масло на огонь беспардонная заметка, подписанная Сычком, участником знаменитой пирушки. Сглаживая коробящее душу, леденящее мозг косноязычие районных газетных штампов, пересказываем часть этой милой публикации:

– Давно ли ты, Влад, наладил контакт с «тарелками», – спрашиваю я своего школьного товарища, с которым бывало – чего греха таить – дрался на переменах.

– Да давненько уж... – после некоторого раздумья со свойственной ему прямоотой отвечает мне Владлен Иконников. – Еще когда в армии служил.

– Это в Забайкалье, у Малиновского?

– Да, у Родиона Яковлевича я художественную самодеятельность возглавлял. Мотались мы по точкам. И вот после одного концерта пошел с я одной солисткой подальше в сопки, дело солдатское, сами понимаете...

– И что в сопках? – задаю я наводящий вопрос.

Конечно, в это трудно поверить нормальному человеку, но я продолжаю расспросы. Одним словом, в сопках приземлилась эта самая «тарелка». И из нее вышли обыкновенные люди.

– А может быть, кузнечики с антеннами вместо ушей? – пытаюсь я сбить с толку Влада.

- Нет, – твердо отвечает Владлен, – обыкновенные люди, наши земляне.
- И где же они базируются? – настойчиво продолжаю наседать я.
- Есть такие места на Земле, есть.

Где находятся эти места, Влад не сказал, сколько я ни допытывался. Очевидно, он сам не знает, где их базы.

- Итак, «тарелка» приземлилась в сопках, что же дальше? – продолжаю я эксклюзивное интервью.
- А дальше мы полетели в Сахару, загорать.
- И так и загорали?
- Так и загорали...»

Надо ли говорить, что, прочитав эту разухабистую писанину, Владлен взвыл, схватился за голову и побежал разыскивать интервьюера, чтобы набить ему морду. Так опарафинить на всю Феодосию! Да еще об этой девице рассказал... Недержание речи, что ли? В газете сообщили, что искомый корреспондент срочно отбыл в море, вернется не скоро. Ну да, конечно, хороший нос заранее кулак чувствует...

От насмешек, назойливых расспросов, в раскаянии за собственную глупость – так разболтаться за рюмкой! – Влад в тот же день собрался и уехал на автобусе за Коктебель, на биостанцию.

Биостанция – это то место на Кара-Даге, где в полугоре выпялено в небо параболическое лукошко, установленное нижегородскими физиками из ИПФАНа. День-деньской, жарясь на крымском солнышке, ищут ученые контакта с внеземными цивилизациями.

Это вверху, а внизу разводят с секретными целями дельфинов. Там и работал Влад.

Любитель печеных ракушек

Дельфиниха Ирэн, завидев Влада, кувыркнулась и скоренько подплыла к плексигласовой стенке чана-дельфинария, встала перед ним и тревожно затанцевала. Сделала несколько озабоченных кругов. Что-то случилось с малышом. Тот, размером с магазинную скумбрию, едва двигая ластами, лежал на поверхности кверху животом. Ирэн подплывала к нему, озабоченно дефилировала, пыталась снизу поддеть своим словно резиновым носом, вытолкнуть из воды.

Влад глянул на градусник, опущенный в чан на шпагате, и чертыхнулся: шесть с половиной градусов. Ясно – малыш замерзает. Он кинулся к выключателю, щелкнул им. Увы, лампы под потолком не вспыхнули. Значит, и электрообогрев не работает. В который уж раз, суки, обесточивают!..

И надумала же Ирэн разродиться в такую холодрыгу!..

Кляня всех и вся: настырных хохлов, задумавших отделиться, притонный крымский парламент, «державший шишку» порознь от хохлов, далее по восходящей – Беловежскую пушу, бетонного ликом уральца, гладень-

кого и круглого, как сырнй колобок, ставропольца, и всех других, алкающих и не могущих наалкаться власти и крови трудового народа, Влад побежал в кочегарку разыскивать сторожа Генашку, проворонившего отключение обогрева.

Это изумление природы, питающееся исключительно печеными ракушками, собранными по берегу, да мясом дельфинов, павших на ниве оборонной науки, лежало, как обычно, в куче тряпья за котлом, давно остывшим и полуразобранном.

По котельной были кучками насорены ракушки – хрустящая одежда поглощенных сторожем моллюсков. Каждая кучка была обедом или ужином – где покушал Генашка, там и кучку оставил. Ракушки жарено хрустели под ногами, когда Влад, продолжая чертыхаться, шел к генашкиному закутку.

Тот дернулся в своем гайновище, натянул на себя ватное засаленное одеяло, треснувшее во многих местах.

Остро шибало в нос зэчатиной – псиным запахом зековского барака, холостяцких берлог – запахами затхлой нестиранной одежды, немьтого тела, еще чего-то...

– Тыфу, паразит! – по-бабьи ругнулся Влад. – Развел вонищу. За дельфинами почему не следишь? Когда свет погас?

– Да где-то в первом часу ночи. Я вот читал, а он погас...

– Чего ты читал? Еще читаешь!

– Вот. Диогена.

Влад поднял с одеяла толстую книжку с твердыми коричневыми корками – почти академическое издание – прочел название:

– Ну вот. «Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Во как!.. Ученые книжки, продукт, читаешь, а сам чем занимаешься?.. Ракушки жрешь.

– У нас свобода, – вяло брякнул сторож.

– Ну да, конечно. Если съехал с рельсов сам, так не позорь хоть святое понятие, мутант!

– Вот-вот, – даже привскочил Генашка, – ты верно сказал. Мутант. Точнейшее слово. И я мутант, и ты тоже мутант, хотя ни в жизнь не со знаешь. И все мы мутанты. Мы мутировали и даже не заметили как. Знаешь, в какое время мы живем?

– Ну?

– В сезон мутаций. Да-да. Растянувшийся на весь двадцатый век. Сезончик, я вам доложу!..

– Если сам мутируешь, ракушки вот жрешь, всякую падаль, так за других не говори.

– А ты! – сел на куче тряпья Генашка. – Устриц жрешь, благородные ракушки, а все равно мутант. Разве сам не видишь, что мутируешь. Таким гнусным занятием заниматься! Обучать божью тварь убийству! – Глазен-

ки Генашки на неумытом лисьем личике остро, осмысленно заблестели. – Разве это не мутация, а?..

– Ишь ты! – разинул рот Влад. – Ты что? Мудреца этого греческого начитался?.. Он в бочке жил, тоже, как ты, бомжевал...

– Это не тот Диоген. Этот Лаэртский. А были еще Диоген Аполлонийский и Диоген Синопский. Вот Синопский, фальшивомонетчик-то, и жил в глиняной бочке при храме Матери богов – Метроне... На афинской агоре.

– Что еще за «агора»?

– Вот ваша сущность!.. Дельфинов калечить вы знаете как, а что такое агора, не знаете. Да еще отпираетесь, что не мутанты.

– Ну ты полегче, чучело Вселенной!.. Что за агора такая?

– Ну, площадь, общественное место.

– И что же он, философ-то этот, на площади, в бочке и деньги печатал?..

– Он не печатал, а обрезывал монету, когда заведовал вместе с отцом казенным меняльным столом.

– Скажи ты! Ай да Диоген! И как он дошел до жизни такой?

– С сущего пустяка. С сущего пустяка, Влад. Прославиться захотел.

– Ну?..

– Ну вот, пошел в Дельфы, в храм, и там спросил оракула, как ему прославиться...

– Неужто так и спросил?

– Ну да.

– И что оракул?

– Оракул что... оракул закатил зенки и посоветовал «сделать переоценку ценностей», ну Диоген это превратно и понял, начал чекрывать монету.

– Ай-яй! Поймали?

– Ну да.

Влад развеселился.

– Вот у нас тоже ведь делают переоценку ценностей.

– Тут была игра слов. По-гречески «номизма» – ходячая монета и общественное устройство.

– А он, значит, по первому варианту пошел, – хохотнул Влад. – Ну да!..

– Ты! – вдруг спохватился Влад. – Ты мне погубишь дельфиненка, создай уют, мастурбатор! Почему печку не затопил?

– Так дров же нет...

– Тьфу! – в сердцах сплюнул Влад и схватил тупой, в зазубринах топор, валявшийся возле котла.

Генашка инстинктивно заслонился рукой.

– Тьфу! – снова сплюнул Влад. – Одевайся.

– Так я уже одет.

Генашка встал из-под одеяла, действительно, одетый: стоял в мятых спещовочных брюках, синем затрапезном свитере, перехваченном для тепла шпагатом. Влад покачал головой: божье наказание, да и только.

– Я воды сначала попью. Горит все внутри.

– Попей, философ.

Они вышли из котельной. Гурман схватился за голову: от свежего воздуха его закачало. Владу надо было дать отстояться, бомжу – привыкнуть к «улице». Генашка, с тоской поглядывая на Влада, напился прямо из бочки, стоявшей под стрехой. Вдвоем по серому, потрескавшемуся склону потухшего вулкана, зализанному снежком, полезли наверх. Снег был утрамбован ветром и солнцем до прочности асфальта, запудрен песком, собственно, снега, как такового, и не виделось. Карабкаясь вверх по снежным коростам, туда, где выростали среди лунного пейзажа чахлые, кривые, похожие на саксаул деревца, еще не вырубленные в прошлые разы, продолжили крутой разговор о Диогене:

– Так вот, – сообщил Генаша, – он все-таки, сделал потом переоценку ценностей, как велел оракул.

– Каким образом?

– А дерзить всем начал беспощадно. Все отрицал, всех ругал. Никому спуску не давал. У Евклида были ученики, он их называл – желчевики. Говорил, что у Платона не красноречие, а пусторечие.

– Так это он таким образом прославился?

– Ну да. Самого Платона еще собакой назвал. А пришел к нему в гости, увидел ковер, начал плевать на него, топтать ногами: «Спесь это твоя, спесь, Платонушка!»

– А Платонушка что?

– А Платонушка ответил: «Нет, Диогенушка, это твоя спесь в тебе говорит».

– Молодцы, приятели! – искренне восхитился Влад.

– Так что? Нальешь, что ли, сто граммов-то!..

– Ты печку сначала затопи, бумбараш.

Нарубив по охалке твердых, как камень, веток, спустились вниз. Влад запихал ветки в печурку, которую сам же и сбил из глины, когда разобрали на ремонт да так и не собрали котел. В печурку было вмазано подобие титана, от которого отходил в дельфинарий змеевик, посредством его и подогревали воду в чане, где плавали беременные афалины.

К веткам Влад один за другим подкладывал газетные комочки, поджигал их, но газета быстро сгорала, а ветки только подтлевали и не думали занимать пламенем.

Эх, соснового бы смолья сейчас, либо стружек, либо бересты!

Но ни того, ни другого, ни третьего не было, как не подавали и электричество.

Сволочи, право, сволочи!

Дельфиненок, видно, совсем уж замерзал, отдавал концы – перестал и лапами шевелить. Ирэн вся извелась, тыкала носом о плексигласовую стенку, как бы пытаясь ковырять ее – торопила Влада, умница.

Кляня напропалую сепаратистов-сичевиков, вздорных крымчаков и подлых беловежцев, он пошел с консервной банкой разыскать бензинца и тут почуствовал три знакомых укола под мышкой, где был вживлен датчик. Три легеньких таких укольца шильцем или иглой – два коротких и один, в середине, подольше. Точка – тире – точка. Игорь. Сейчас прилетит Игорь. Вовремя, ох, как вовремя! Он бросил ненужную более банку, сунул руку под мышку и достаточно ощутимо надавил: точка – тире – точка.

Вернулся в дельфинарий, попихал в топку всю бумагу, какая имелась, и, встав на четвереньки, изо всех сил начал раздувать огонь. Теперь и бумага только тлела, свертывалась черными струпами, но не загоралась. Подмочена, что ли?..

Со слезящимися глазами, призывая черта в свидетели, он так и стоял раком, когда кто-то бандитски поддел его под зад коленкой – едва мордой в печурку не въехал. Влад вскочил на ноги. Перед ним стоял, мило улыбаясь, Игорь.

– Что? – не успев поздороваться, взметнулся Влад. – Уже прилетели? Давай скорей помоги, воду надо разогревать!

– Хазары! – веско выразился гость, оценив обстановку. Они вышли на улицу. На дворе стоял и хватал ртом воздух изумленный Генашка. С похмелья бомжу только и хватало сил тыкать пальцем в то место, где, возле самого порога дельфинария, стоял на трех паучьих лапках сверкающий никелированный самовар размером с бричку или большой автомобиль. Серебристый небесный модуль, «тарелка», которая села на кучу хлама во дворе котельной, чуть не на голову бедному Генашке, и стояла так же обыденно, привычно, как бричка или автомобиль. Вот эта-то бесцеремонность, заурядность посадки и потрясла больше всего любителя печеных ракушек. Он, правда, и раньше подозревал Влада, а все-таки не скоро ему опомниться. Вот так близко, разом! Вот это опохмелка!

Между тем гость извлек из недр летательного аппарата некий прибор, похожий на портативный кинопроектор, поколдовал над ним и направил зрачок проектора в жерло печурки. В пересеве пылинок остро вспыхнул зеленоватый луч, и нутро печурки тотчас же, как от того же бензинца, отозвалось ровным веселым гудом, забушевало, заиграло пламенем. Гость же поднялся по лесенке и, прижав прибор к животу, как оружие, принялся осторожно водить лучом по поверхности воды.

Удивительно быстро, через пяток минут температура в дельфинарии поднялась до пятнадцати градусов. Дельфиненок дрыгнул хвостом, как ребенок ножкой, перевернулся на живот и как ни в чем не бывало поплыл к матери. Повеселевшая Ирэн заложила лихой вираж по чану, выстрелила отточенным телом в воздух, постояла-постояла на хвосте, кивками безгубого рыла благодаря хозяев, и наконец без брызг провалилась в воду.

Отлично бушует печурка, ей-богу!

Генашка не терял времени даром: откуда-то приволок и затолкал в глиняную топку солидный обрубок черешневого дерева – этот долго прогорит. От полноты сердца и в благодарности за находку Влад вручил креветководу новенькую нераспечатанную пачечку купонов, послал за бутылкой. Тот, теребя засаленный «петушок» на башке, торопливо убежал.

– Ты чего это прилетел? – спросил наконец Влад, когда Генашка скрылся за углом котельной.

– Да понимаешь! – Игорь настороженно поднял чернявое лицо полукровки и как бы принялся. – Понимаешь, эти горы, Кара-Даг, чем-то приманили криттеров. Вот и я захотел посмотреть, чем приманили.

– Криттеры – это кто такое?

– Твари в переводе. Тонкий мир. Сюда они и слетаются.

– Как ведьмы на Броккенскую гору?..

– Ну да.

– Что, густо?..

– Очень! – цокнул языком Игорь и даже головой покачал.

– Как мошкара?..

– Не то слово. Такие оковалки шли, метров под триста. И все в одну сторону – к вам, к потухшему вулкану. Лучами слетались...

– Эк они! – усмехнулся Влад и показал пальцем на параболическую антенну невдалеке. – Под нос к нижегородцам. А те и не видят.

– Да уж вряд ли! – задумавшись, ответил Игорь.

– Послушай, Игорек... – попросил Влад, – друг ты мне или не друг?..

– Что за разговоры?

– Ну так дай взглянуть хоть краешком глаза на этих криттеров.

– Нет вопросов.

Они перебрались в модуль, за сплошным – по окружности – пультом которого сидел и покачивался в кресле стриженный пацан-пилот.

– Леша, привет! – по-свойски бросил Влад.

– Ча-ао! – жизнерадостно отозвался стриженный под полубокс Леша.

Они в считанные секунды взмыли над Кара-Дагом. Фантастические горные нагромождения лежали внизу, как складки небрежно брошенной одежды. Мелкой блошкой на ней виднелась антенна нижегородских физиков.

Игорь между тем кончил возиться с некой установкой.

– Вот отсюда и будем наблюдать.

– Что это такое? – поинтересовался Влад.

– А! – отмахнулся Игорь. – Тут много чего напихано. Если говорить языком земной науки, тут – в симбиозе – датчики альфа-, бета- и гамма-излучений, фотометр, термометр, разумеется, не комнатный... Частотомер, магнитомер, пленка очень чувствительная – панхроматическая, а также инфракрасная, можно вести съемки.

– Съемки мне не надо, дай живьем взглянуть.

– А не испугаешься?

- Да вроде бы не робкого десятка.
- Неделю спать не будешь!
- Все равно, дай посмотреть...
- Ты как та баба из анекдота...
- Расскажешь потом...

Игорь усмехнулся и предложил Владу взглянуть в зрачок установки. Не без трепета принял Влад и тут же дернулся, отпрянул. Игорь засмеялся:

- Что, брат, испугался?
- Да что ты!.. Тварь такая-то, криттер этот, прямо на меня перла. Думал, проглотит.
- Криттер. Да он уж и заглотил тебя. Вернее, прошел сквозь тебя и меня и нашу летушку, даже не заметив того. Ты для него как пустое место.
- Неужели? – изумился Влад.
- Ну да. Не заметил, он не плазмодного свойства?
- Да вроде нет... Как амeba под микроскопом. Студенистая.
- А-а... Криттер А-порядка. Таких больше всего.

Влад опять принял к смотровому глазку и на сей раз не отдергивался. Ощущение было такое, будто в глаза что-то попало и не смаргивается. Как при гипертонии мушки летают. Только было этих мушек не две-три, а тьма-тьмуца. Какие-то бесформенные существа шевелились, двигались, кишели, отплывали куда-то... Эти биофизические проявления были светлыми и темными, плотными и прозрачными, тающими, как облака, и с четкими очертаниями. Скоро Влад заметил некую характерность в этом беспорядке: время от времени стремительно проплывали некие светящиеся шары, они, вероятно, были плотнее, доминировали над обстановкой, расшугивая амeбные и веретенообразные проявления.

- Что это за шары?
- О, это у них лидеры. Структура шара, видимо, самая прочная, самая устойчивая, спрессованная внутри себя. Короче, ядро. По аналогии – звезда, планета, яблоко, капля воды, шарик в подшипнике...
- Короче, крепость с круговой обороной.
- Именно.
- И что? – полюбопытствовал он, оторвавшись наконец от окуляра. – Пошугивают эти шарики других?..
- Еще как. В бесчисленном множестве поглощают этих амeб и каратиц, набухают до такой степени, что прорываются в наш мир в виде...
- Шаровых молний? – ахнул Влад.
- Ну да.
- Так вот, значит, что!.. Но ведь шаровые молнии могут и вред причинить...
- И весьма солидный.
- Вот, значит, откуда они появляются... Откуда ни возьмись. И так же бесследно исчезают...

- Они не исчезают, а умирают. Для них прыжок в наш мир – смертельный, гибельный прыжок в бездну. Полет камикадзе.
- Вот почему они иной раз лютуют...
- Это в двух-трех процентах. Чаще всего летают и с миром уходят в мир иной.

- Здорово! Дай-ка еще разок взглянуть.
- Пожалуйста, у нас бесплатно! – засмеялся Игорь.

Влад опять, как ребенок в азарте игры, принял к окуляру и неожиданно разразился щедрым комплиментом:

- Ах ты, красавица! Ну-ка, иди сюда! Кыш!
- Он шелкнул ногтем по кожуху установки и расхохотался.

Игорь стремительно оттолкнул его и сам принял к окуляру. Начал крутить туда-сюда какую-то ручку, как бы настраивая установку. Ничего не получалось. Распрямился.

- Чего видел? Головастика?
- Ну да. Подплыл ко мне и смотрит одним глазом. Подмигивает.
- Не может быть, чтобы подмигивал!
- С места мне не сойти!

– Тебе крупно повезло, Владик. Это Золотая рыбка, как мы ее прозвали. Очень разумное существо. Ловко шаров этих избегает. Так неужели подмигивала? Сочиняешь, парень!

- Вот те крест!..

После Золотой рыбки Владу как-то расхотелось смотреть в окуляр. Этим занялся Игорь. Пока Влад раздумывал, как бы получить эту лукавую подмигивающую рыбку в их мир, Игорь произвел съемки...

Они снизились, стекли по склону горы до той высоты, когда стал отчетливо виден вышедший из щиткового домика астрофизической базы сухощавый старичок-очкарик. Профессор из головного института приехал на зимние променады.

В семейных трусах белого горошка по красному полю и зеленых гетрах он сделал несколько полуприседаний и, поеживаясь от утреннего сиверка, оглядываясь, поспешил за угол балка. Там, думчиво глядя в небо, начал писать. Желтая струйка вихляла, металась в разные стороны, профессор небрежно, скосив глаз, руководил ею, по-пацаньи выписывая на снегу замысловатые вензеля. Закончив дело, он шелкнул резинкой трусов по пузу.

Затаив дыхание, Влад, Игорь, а также примкнувший к ним пилот Леша напряженно следили из иллюминаторов за профессорским интимом.

Вот могучая темная оправа профессорских очков опять мыслительно воззрилась в бескрайний небесный океан. Очевидно, хозяин очков размышлял о порядках мироздания. О-о, из многих порядков складывалась Вселенная, но и даже профессор, ученый с мировым именем, не мог видеть зависший над ним в полусотне метров летательный аппарат. Потому что была включена фотозащита и световые лучи просто-напросто

обтекали модуль. Конечно, если бы профессор сквозь свои могучие очки рассмотрел повнимательнее, он смог бы все-таки заметить на месте аппарата некоторую оптическую шербинку – воздушное искривление, закурчавленность, вроде того, как парят поля весной. Но это если присмотреться. А профессор, находящийся в мыслительном порыве, отнюдь не присматривался. Тут впало на ум командиру корабля Игорю Меламедову подивить старичка, внести маленький конфузик в стройность его макрокосмических размышлений да заодно и самому малость поразвлечься. Он дернул какой-то шнурок, светозащита отпала, и пред профессорски очи предстал во всем своем никелированном блеске загадочный НЛО. Профессор окаменел, рот его раскрылся и алчно застыл, как дуло направленного на цель орудия. В следующую минуту, поддерживая семейные, а следовательно, до колен трусищи, он стремглав скакнул в ближайший балок. Через секунду выскочил оттуда с кодлой сотрудников, но увы: Игорь опять воткнул штырек на шнурке в положенное место. И НЛО исчез, будто и не появлялся. Сидящие в «петушке» громко расхохотались, а подчиненные профессора молча переглянулись: мало ли чего привидится профессору в почтенном возрасте.

Профессор же сердито погрозил крымскому небу пальцем.

Убийца субмарин

Ирэн умерла. Возможно, сердце не выдержало беспокойства о малыше. Ее потерявшее упругость, старушечьи дряблое тело лежало на цинковом лабораторном столе, как полуспушенная резиновая игрушка. Мухи ходко, швыряками сновали по подсохшим бокам. Полупьяный Влад плакал, как ему казалось, крокодиловыми слезами и острым мясницким ножом выковыривал дорогостоящие датчики, которыми было перенасыщено веретенообразное тело животного. Рядом ходил с паяльной лампой и клячил тело Ирэн на съедение тоже подвыпивший Генашка. Влад бросился на него с ножом, и неисправимый моллюскоед убежал с индейским воплем.

Влад гладил Ирэн, как живую, отгонял мух, садившихся на потускневшие, залитые мутным молоком, а когда-то преданные и умные глаза, и плакал искренними, отнюдь не крокодиловыми слезами. За два года он привык к дельфинихе, как к сестренке. Ирэн была самой расторопной ученицей, и не от беспокойства за малыша остановилось почти человеческое сердчишко, от перегрузок. Ведь вот – целую пригоршню выковырять он этих тиристор-резисторов.

Да, это была самая талантливая подопечная: глухими осенними ночами, когда в бухту подбуксировывали макеты то американской, то английской, то китайской субмарин, Ирэн точно налепляла на бока подводных лодок, на самые уязвимые их места – возле боевых люков – контрольные грузы размером с кусок парфюмерного мыла. Другие животные прищлепывали макетики мин беспорядочно, куда попало, а она точно, куда указывали. В час «Икс»

подплывет такое бронированное чудовище к нашим берегам, изготовится к стрельбе, и первая же выпущенная ракета разнесет вдребезги саму субмарину. Благородное животное спасет от истребления целые города.

А Минька, ее детеныш, выжил, засранец. Особенно он повеселел, когда привезли из Феодосии паяльную лампу. Лампу эту Генашка заправлял бензином, совал гудящий голубым огнем урыльник в печное жерло, и титан быстро нагревался.

Отплавав положенное, выморкавшись, Влад принялся за похоронные хлопоты. Первым делом послал Генашку к поселковому магазину за тарными ящиками. Сам же, найдя широкую доску, стал вырезать два кружка – по диаметру тела Ирэн. Гроб предполагался круглый.

Он пилил, плакал и был в совершенно раздерганном состоянии, когда Генаша, святой человек с двумя тарными ящиками под мышками, привел к нему гостя.

– Чувак! – вскричал Влад и, опрокинув табурет, на котором выпиливал кружок, кинулся обниматься. – Да как ты соизволил?

– Долго рассказывать.

– Ну, неважно... главное, встретились.

Смерть дельфинихи сразу отодвинулась на второй план. Влад сходил к умывальнику и умылся. Слезы как бы сами собой и высохли.

– Вот, гробик девушке сколачиваю, помогай. Похороним Иришку – там уж и отметим встречу. Давай, ящики расчлений.

Разбили ящички, примерили дощечки. Они оказались коротковаты, пришлось наставлять. На две составленные торцами дощечки внахлест набили по третьей – по росту покойницы. Тело Ирэн успело намертво прилипнуть к цинковой столешнице, еле отодрали и уложили усеянный мухами сморщенный трупик животного в ротондовый этот гробик.

– А ведь она могла бы тоже быть человеком! – неизвестно к чему брякнул Влад. – Софьей Ковалевской, например, или...

– Агнией Барто, – подхихикнул Генашка.

– Молчи, трупоед! – скинулся Влад. – На похороны с нами не пойдемь...

– Я ее не буду есть! – твердо заявил Геннадий.

– Кто тебя знает. Ночью прокрадешься да выкопаешь. Нет уж, лучше перестраховаться. «Что мы, и впрямь мутанты? Такую чушь городим!» – мелькнула у него мысль, но тут же, в перипетиях похорон, эйфории встречи и затерялась, не успев развиваться.

Заколотили последнюю дощечку. Влад опять пролил слезу, принес из каптерки клеенку, завернул в нее гробик с афалиной и перевязал клеенку шпагатом. Все, готова Ирэн в последний путь.

– Где хоронить-то будем? Здесь? – неосторожно спросил Чунасоцкий, даже не заметив, как насторожился при этих словах, приоткрыл роток Геннадий.

– Кыш! – замахнулся на него Влад и конспиративно шепнул: – Похороним ее там, где надо. С почестями похороним, в хорошем месте. А ты, Понтий Пилат, иудина душа, прощайся с Иришкой здесь, с нами не пойдешь.

Трупоед с ханжеским постным видом встал у гроба, умильно прикрыл глаза.

– Геть отседа!.. Все! – со вздохом сказал устроитель церемонии. – Прощай, Ириша!.. Поднялись и пошли. Бери, Чувак, лопату.

Похоронная процессия из двух человек тронулась от биостанции через санаторий и пионерлагерь «Коктебель» к поселку, миновала пирс и направилась по кромке прибоя в направлении Судака. Зимнее море по-песью рычало, кидалось волнами. Приходилось перескакивать по осклизлым, одетым в сырую пену валунам, обходить утесы. Два, а может, и три километра прошли, прежде чем Влад остановился и сронил гробик с плеча.

– Тут!

– Почему именно тут?

– Лисья бухта! – веско сообщил Влад и со значением глянул на друга.

– Мне это ничего не говорит.

– Ты знаешь, сколько здесь в войну наших десантников полегло? Из-за преждевременной операции по освобождению Крыма?

– Что-то припоминаю... Мехлис?

– Он, собака, бросил ребят. Тут, с ними, и место Ирише. Она ведь тоже была воин. Эх, как заложит, бывало, вираж, когда появишься. Без свежей рыбы я к ней не приходил.

Они прикатили на могилку небольшой валун и водрузили на него бутылку.

– Вот теперь давай, за упокой и за встречу сразу!

Море билось о скалы с пушечными раскатами. Наверное, где-то здесь стоял на скале Пушкин. «Скала и шторм. Скала, и плащ, и шляпа. Скала и Пушкин...»

– А я вот тех ребят пытаюсь представить... Как их... как чижиков с гор расстреляли...

– Да... Чего-то я хотел спросить тебя? Ах да... Что это у дельфина вся кожа была искусана?.. Кто это его?

Влад умоляюще посмотрел на друга.

– Я!.. Я это, Славик. Кусачками. Да-да.

– Зачем?

Влад сунулся в карман пальто, пошвырялся в нем и вывалил на камень горстку провололок с клеммами, сопротивлений, каких-то миниатюрных радиоустройств.

– Видишь?

– Ну.

– Что «ну»?

– Ничего «ну». Дальше.

– А ты знаешь, где они были?

– Теперь догадываюсь.

– А ты знаешь, сколько эти побрякушки стоят? Штанов не хватит. Вот поэтому мне и пришлось выковыривать. И впрямь, видно, мы мутанты, как этот трупоед не скажет. Я только теперь начинаю осознавать, каким гнусным делом занимался все эти годы. Страшно, Славучик!..

– Ничего. Я тоже тем же занимался. Только с металлом.

– Вот именно. А я с живым существом. Но!.. – остановился Влад, как ушибленный. – Но это еще не все.

Он вдруг начал быстро раздеваться.

– Ты что, Влад, спятил? Купаться?

– Ничего я не спятил, – глухо буркнул Влад. Раздевшись по пояс, он остался в одной майке. – Смотри. Смотри сюда, под мышку. Внимательнее смотри.

– Ну, вижу. Шрам.

– Это не шрам, а кармашек.

Было не совсем приятно наблюдать, как Влад английским ключом начал выковыривать что-то из «кармашка». Выковырял наконец и, переведя дух, показал Славике отливающую синим пластинку с плавно закругленными углами размером с клеточку школьной тетради.

– Кобальт! – испуганно сказал Чунасоцкий, работавший и с этим металлом. – Он же радиоактивен.

– Вот так, старик. Наверное, не радиоактивен, если поставили.

– Кто поставил?

Влад медленно возвел очи горе и показал пальцем на небо.

– Они? – тоже потянулся пальцем кверху Чунасоцкий. Потом остолбенело уставился на Влада.

– Вот так, дружок. Ты смотришь за дельфинами, а они за тобой. Ну, а за ними... – Владев палец продолжал тыкаться в небо. – А за ними тоже кто-то следит. На вот, почитай – хлеще детектива! Чтобы все разом было ясно-понятно. – Влад извлек из потайного кармана клочок газеты со злополучным интервью.

Потрясенный выше крыши Чунасоцкий сел прямо на сырой галечник и начал читать, краем глаза следя, как дружок его муторно заправляет странный квадратик на прежнее место, под мышку. Справившись наконец, он преспокойненько оделся и пошел к морю пошвырять камушки. Как будто так и надо.

Славик дочитал интервью и стиснул виски. Голова вдруг начала необычно сильно болеть, точно в нее, пульсируя, входили какие-то токи. Странно, никогда такого не бывало. На мгновение ему почудилось, что он не сидит на хрустком галечнике, а подвешен в воздухе. Да-да, тело его потеряло вес и слегка покачивается в медитации. Море, прибой, скалы, похороненный в клеенке дельфин – все ощущалось и казалось до ужаса нереальным, словно из другой жизни.

– И тебе не жутко носить эту штуку? – наконец спросил он
 – Ни капельки! – бесшабашно ответил Влад, наливая. – Я ведь сам этот карманчик соорудил.

– Как это сам?
 – Да, сам. Они вшили шито-крыто, под гипнозом, потом Игорь сам раскололся, оповестил. И даже показал место. Я сразу нащупал маячок – он довольно-таки легко прощупывается – и сразу же решил: бритовкой разрежу и выброшу. А потом передумал. Вот, кармашек сделал, кожа заросла, как у женщины в ухе, и ношу. Когда надо – выну. Вот в этот, нагрудный карманчик переложу. Или в кошелек, чтобы не потерялась. – Моргая телячьими ресницами, Владик усмешливо смотрел на друга.

Однако, юморок-с!.. Нутро выворачивало от такого юморка, от этой непередаваемой зомбьячей усмешки. Карусель нереальности шла, продолжала свою дьявольскую раскрутку. Подташнивало, как беременную.

– И зачем же тебе эта штука? Выбросил бы давно и забыл, как прошлогодний сон.

– О, это великая вещь! – с наслаждением сообщил Влад. – Вели-и-кая! Вот хочешь, сейчас у пролива Лаперуза будем сидеть, камешки в сторону Японии пошвыривать, как в песне поется, а?.. Нет, правда?

Хоть и «правда», а невесело смотрелся друг. Славiku сделалось настоящему жутко. Даже в Одессе, с бандитами, не было так жутко.

– Давай сначала встречу отметим, а потом поговорим.

– И похороны! – строго уточнил Влад и поднял даже палец для строгости. – А тебя-то, между прочим, каким ветром сюда занесло? Вещи где оставил? Смотрю, с одной авоськой, как из магазина, припарол.

– Хорошо, что хоть с авоськой. А мог бы и без нее.

Славик достал даже и не авоську, а полиэтиленовый пакет, купленный походя в портовом ларьке. Он достал из пакета-сумки газетный сверток, развернул газету и представил белый полотняный мешочек, в двух местах треснувший после того сокрушительного удара. В разрывах ткани благородно блеснул металл,

– Что это? – пощупал Влад мешочек.

– Платина! – чеканно, как само это слово, произнес Чунасоцкий, и друг его от неожиданности оторопело икнул.

Экстрасекс с экстрасенсшей

«К одной бабе» предложил сходить на другой день, по опохмелке, Влад. Одна эта баба – солнышко, вещь, сливочное масло. Сам бы ел, да другим надо. Экстрасенс, между прочим, походя рекомендовал Влад.

– Она, между прочим, – высказался он, когда подходили к воротам санатория, – запросто и платину у тебя скупит. У нее ведь миллионы.

– Тише ты! – шикнул Чунасоцкий.

Всю ночь они пили в каптерке у Влада, вели всякие разговоры, благо, было о чем, и заснули только под утро. Конечно, не протрезвели. Такая чехарда у обоих в голове – к незнакомой бабе поперлись. Хотелось побольше пива, свежего да холодного, или кваса, ершиком стрекочущего в нос, но никак не бабу, будь она хоть Мария Антуанетта. Смотреть не хотелось ни на каких баб.

Полнощекая цыганистая девица с беличьими раскосыми глазами тигрицей ходила по комнате, и с первого взгляда было видно, как тесна уссурийской владычице эта санаторская комната, как долит и нудит ее номерная клетка. Шири, размаха хотелось бабе, разве не понятно? Сигарета отчаянно дымилась в руке, вынесенной на отлет, аж к уху. На столе – легкий бедламец, недопитое шампанское.

Она чмокнула Влада в щечку и протянула ладошку Славiku, глянув на него неожиданно жизнерадостными зелеными глазами. Полна была женской силы, свежей сочности леса, степи, моря эта красавица. Пронзительная, собирающаяся в охапки зелень в глазах, промытая зелень майской березы, она как бы пошевеливалась. Шаманистые смеющиеся глаза – все, мол, нипочем. Славика точно пронзило всего свежей силой, точно кровь наполнили, как шампанское, бодрящие пузырьки. Веяло ароматом тонких духов от этой Кармен, мечталось о какой-нибудь Гвадалахаре. Шелест же миллионов купюр, по бумажке вплетенных в ее ауру, и вовсе кружил голову. Да, это была судьба. И судьба требовательно звала к себе, заманивала своим мускусом.

Дружок был догадлив.

– Я ненадолго, – просто объяснил он ситуацию. – У меня тут дела. Надо к завхозу зайти.

– Зайди, зайди, – засмеялась красавица. – Похоронил?

– В Лисьей бухте закопал.

– Молодец!

Влад выпил шампанского, подмигнул Славiku и задом, потряхивая сомкнутыми кистями, выпятился из комнаты. Ведьма в роскошном халате подошла к двери и повернула ключ, причем Славик успел засечь, что под ворсистым этим халатом с кистями, в алых мальвах, ничего практически нет. Абсолютно ничего. Он – ей-богу! – заметил далее, когда халат слегка отпахнулся... впрочем, еще успеем дойти и до этого.

– Мы даже не познакомились... Вера Михайловна.

– Борис Федорович. Вы действительно экстрасенсша?..

– Экстрасенс, – поправила она. – Бакалавр оккультных наук.

– Однако! – поразился Славик. – Впервые вижу живого бакалавра. А с чем это едят? Экстрасенсша хмыкнула и прямо-таки как из шайки окатила гостя листоватой зеленью.

– Для начала нужно вас проверить на порчу. И на сглаз. И снять, если имеется.

– Снимайте! – великодушно позволил Славик, почувствовав, что он уже взмыл и парит, как писал поэт Лорка, «лучшей в мире дорогой». И море по колено ему теперь. Даже Черное.

Бакалаврша между тем достала из холодильника сырое яйцо, сдвинула шампанское, поставила на это место три уже основательно обгоревшие свечки, усадила Славика в кресло. И начала колдовать пальцами вокруг головы, делать пассы с яйцом, прокатывая его по телу туда-сюда.

– Вас же не Борисом Федоровичем зовут! – вдруг воскликнула она.

– А кем же меня зовут?

– Вячеславом.

Славик почувствовал легкий холодок под ложечкой.

– Верно. Я пошутил. Простите великодушно.

– На первый случай прощаю. Ну что ж, ни сглаза, ни порчи на вас нет. Чисты. Но кто-то сильно вас напугал. Так ведь?

– Вы, дорогая!

Он уже доходил. Пока экстрасенсша лазила, порхала вокруг него, терлась о колени, наклонялась над ним, он созрел для действия, стал решителен, как поручик Ржевский. Кровь всколыхнулась в нем, кажется, даже задымилась.

– Вера! – притворно простонал он. – У меня что-то с головой.

Дьявол, наседавший на экстрасенсшу, заставлявший ее нарезать круги по комнате, когда они вошли, видать, тоже был не слаб. Она только и успела погрозить ему пальчиком за левое плечо, как пациент в неожиданном приступе беспамьтства привлек ее к себе, не разбирая ничего, нашарил и дернул за кисть халата, полы которого тотчас же и разошлись, как занавес на сцене...

И – «лучшей в мире дорогой» понесли души в рай, меж тем как дьявол стоял за плечами обоих и ухмылялся во весь свой щербатый, пахнущий мускусом и гнилыми зубами рот. Причтется же тебе, раба Божия Вера Михайловна, за столь богомерзкое действие, предпринятое как раз во время изгона порчи – действия, угодного Господу. Вот погоди ужо!

Скоро глаза у Верки подернулись пленкой, начали хмуреть, насматриваться куда-то в самое себя или наоборот – очень далеко, по капельке пота нависло на бровях, она вцепилась тигровыми ногтями в славиковы локти, задышала чаще, чаще и наконец, задрожав, издала болезненно-облегчительный вопль. С вешалки у входной двери что-то упало. Дьявол, довольный содеянным, отскочил прочь. Вслед за воплем Верка издала низкий грудной стон, благодарно припала к запаленному Чунасоцкому и наконец-то – дождался! – поцеловала его жарко, восхищенно, страстно. Даже зубами стукнулись.

– Молодчина!

В дверь кто-то деликатно, кажется, карандашиком, постучал. Верка не отозвалась.

– Ах, как мне хорошо с тобой было! – произнесла она сакраментальную, набившую оскомину фразу.

– И мне тоже! – поддержал банальный диалог Славик.

Аллюр и два креста

Пикантный эпизод произошел наутро, когда они оделись и отправились к Владу докладывать. Верка стала закрывать ключом дверь комнаты и вдруг матерно, по-мужски изругалась: на двери были нанесены мелом два креста, начертаны ровно и строго, натренированной рукой.

– Поздравляю вас! – ухмыльнувшись, поклонилась Верке чрезвычайно накрашенная девица, выпускающая из комнаты напротив долговязого блондина. На двери стой комнаты был нанесен один меловой крест. – С двумя крестиками!

Чунасоцкий глянул по коридору: и на других дверях попадались такие же меловые кресты. Дважды крестов было поменьше, а некоторые двери оказывались и вовсе без крестов.

– Что это тут у вас? – спросил Чунасоцкий крашеную. – Варфоломеевская ночь ожидается, что ли?

Крашеная примерочным взглядом, как в портновской, окинула Славика и засмеялась:

– У нас тут египетские ночи, золотой-серебряный. Сказки Шахерезады.

Верка между тем, продолжая чертыхаться, вернулась в комнату, вышла с намоченным вафельным полотенцем и тщательно стерла оба креста. Предложила полотенце соседке, но та беспечно отмахнулась:

– Что я, хуже других, что ли? Кто ставил, тот пусть и стирает.

– Как это объяснить? – поинтересовался ошеломленный обилием крестов Чунасоцкий.

– А-а, – отмахнулась Верка, – тут, на вахте, трекнутая одна сидит. Бывшая учительница то ли природоведения, то ли обществоведения, то ли правописания. В общем, борется за нравственность.

– Каким образом?

– А ходит по коридорам и подслушивает, кто совокупляется и издает при этом стон. И ставит крестики.

– А почему у нас два?

– Два раза вскрикивали. Сначала я, потом ты, – как самый рутинный пустяк, как сущую безделицу объяснила бакалаврша.

Чунасоцкий обомлел, даже остановился на лестничном марше: таких способов борьбы с санаторским сексом он еще не встречал.

– Ну... и что же она с этими крестиками делает?..

– Потом заставляет уборщицу стирать...

– А сама что не стирает?

– А она главнее местом.

При этих словах Чунасоцкий прочно застыл на лестнице.

– Ну а сами-то крестики... Где-нибудь фиксируются?..
 – Заносит в специальную тетрадь. Школьная тетрадка в клеточку, разграфленная. Очень аккуратно ведется дело.
 – Но зачем?.. Ведь отдыхающие же уедут..
 – А вот как пришлют вслед такую телегу, да еще график по дням вычертят, так будешь знать зачем!.. – правдиво, совсем по-детски объяснила бакалавр оккультных наук и язвительно хихикнула.
 – Ты чего хихикаешь?..
 – Ты видел эту... крашеную-то?.. Мужика-то выпускала?.. – Ну..
 – Так вот у ней больше всех крестиков. Десятка два.
 – А у тебя сколько? – продолжая остолбенело, как идиот, стоять на лестнице, спросил Славик.

В ответ Верка кокетливо махнула ручкой: не стоит, мол, и говорить. И упоминать не стоит, столь малое количество крестов у нее самой. Натуральный пустяк.

Однако, экстрасенсша лукавила. И здорово.

В вестибюле отдыхающие веселой пионерской семейкой стояли за спиной сидящей на вахте старушки «с семью прядками». Облепили ее, как мухи медовый пряник. Старушка листала какую-то тетрадку, зачитывала из нее, и великовозрастные пионеры раздражались залпами хохота, словом, предавались бурному веселью. Старушка шустро шмыгала острым носиком и строго посматривала по сторонам поверх очков. Две перезрелые щечки набрякли брусничным соком. Чунасоцкий даже остолбенел – уж не Розовая ли Змея столь далеко затесалась? Нет, конечно, не она.

Появление Верки с кавалером вызвало новый взрыв восторга.

– Веруня, поздравляем!
 – Аллюр и два креста!
 – Ты вышла, голубушка, на второе место! – с заметной нотационностью в голосе сообщила старенькая учительница то ли обществоведения, то ли чистописания, – У тебя двенадцать крестов, касатик!.. Пора одуматься, милочка.

Слегка покраснев, Верка решительно протискалась к столу и с ходу сцепилась с блюстительницей нравственности, начала круто выяснять:

– Это откуда это у меня двенадцать крестов. Это не мои кресты. У меня было всего шесть.

– Было, девонька, было. А сейчас двенадцать. Следить за собой, душенька, надо. Давай разбираться.

Новый взрыв хохота.

Верка змеино повела плечом и тоже натужно улыбнулась, но разбираться наотрез отказалась. Едко скривив губы, она мстительно сообщила:

– А у вас, милая моя, киста на придатке. Да-да. Во-от такая киста. И еще вырастет. И вы на коленях ко мне приползете лечиться. Да-да. Лучше сделайте это немедленно... пока не поздно.

Хохот мгновенно стих. Всех как холодной водой окатило.

Старушка дрожащей рукой хотела поправить очки, но те потерянно упали на тетрадку. Она затеребила-затеребила их, глаза ее увлажнились. С обмеревшей, ушедшей, вероятно, в пятки душой она закрыла уличающий кондуит и убрала его в стол.

Верка начала выбираться из толпы, и тут в космической тишине раздался скрипуче-резиновый голос тетки, как бочка обручем, перетянутой белым халатом. Возможно, кастелянши, а возможно, поварихи. Эта тетка, едва дыша, с истинным наслаждением следила за ходом утренней разборки:

– Постыдилась бы!.. А еще экстрасенс. Бакалавр культурных наук! Вот так культура! Шантажировать пожилого человека!

– А она нас не шантажирует? – тоненько пропел кто-то, но на этот комариный писк никто внимания не обратил – грохотала крупнокалиберная артиллерия.

Верка остановилась, круто развернулась и, бровью не дрогнув, окатила толстуху:

– А вы чего застываетесь? Вы тоже придете ко мне, и не один раз придете. Что у вас с левой грудью?..

– А?.. – толстуха тяпнулась за левую грудь и раскрыла рот, округлила глаза, точно там у нее, под клапаном лифа, была значительная сумма и вот ее выкрали или сама потеряла.

Так и оставив кастеляншу в позе городничего из финальной сцены «Ревизора», Веруня царственно удалилась, выводя на поводке нашего кавалера. Кавалер этот, между прочим, пялил глаза на красочные, метровой величины афиши, обильно расклеенные и по вестибюлю, и на улице, извещавшие о том, что «бакалавр оккультных наук, ведущий экстрасенс Москвы и Крыма, Чайка Адриатики снимает порчу и сглаз, лечит сориаз, кисту, рак, косоглазие» и прочее-прочее. Список болезней был весьма внушительен. Над текстом красовался выполненный в синей краске снимок самой бакалаврши. Веруня показывалась скромной русской красавицей в платке, скромно потупившей, вернее, даже не потупившей очи, а исподволь трогательно вглядывавшейся в лица своих потенциальных клиентов, как бы приглашая их довериться.

– Ничего себе! – воскликнул Чунасоцкий, только что грустно размышлявший на тему двенадцати крестиков в учителькиной тетрадке.

Верка остановилась перед одной из афиш, ткнула палец пистолетиком.

– Вот видишь, какая я в молодости была. В дикой бедной молодости.

– Ты и сейчас, Верочка, не хуже! – галантно подмаслил Славик.

– Сейчас не то! – цокнула Верка, как человек, хорошо осведомленный в вопросе.

– А почему такой псевдоним?..

– А это в пору нашей молодости, в шестидесятых, пели такие песни – о чайке и об Адриатике. Помнишь: «она улетела в даль синего моря...»

Вот из этой строчки и родилась «Чайка Адриатики». Красиво, правда?.. Да и рэкетирам труднее гоняться. Пока-то установят, кто да чего...

– А что, бывали случаи?

– Случалось, – беспечно ответила Верка. – Приходилось лимоны из чулочка отстегивать. Но это только первое время. Потом я научилась, как их отшивать. Безотказно действует. Пригрожу им невестанихой – моментом отваливают. Ребята толковые, сразу секут, что к чему... К морю! – решительно скомандовала она, взмахнув полой плаща, как Чапаев буркой.

– Что, купаться будешь?

– А то... Надо же отмыть... – Верка большим пальцем за ухо показала на пансионат, – эту гнусь. Ну и люди у нас... Одни пакость творят, другие смеются, потворствуют... Ничего-о, ничего-о, скоро их сменят...

– Кого сменят? – не понял Чунасоцкий. – Персонал?

– Всех нас сменят, милый мой! – загадочно пропела она, на ходу скидывая одежду.

Зимнее море глухо, бархатно рокотало, крошась о бетонную стенку. У Чунасоцкого мурашки поползли по спине, когда Верка, раздевшись, кинула свое тело на парапет. Он оглянулся на пансионат. Отдыхающие дружно смотрели из окон на зимнее купание экстрасенши.

Наяда же, постояв-постояв на парапете, дельфином изогнулась и красиво, ногами вперед, почти без брызг, с головой ушла в бултыхающее море.

Пистолет Макарова

Пока все складывалось как нельзя лучше.

Веруня дала ему ключ от московской квартиры, а Влад – записку одному столичному знакомому, который способен приобрести платину. Таким образом убивались два зайца: жильё и деньги, на которые можно добыть на Черкизовском рынке оружие у кавказцев. Лучшее всего пистолет, автомат ведь не пронесешь на митинг или в офис к Жиклеру. Да-да, Жиклер. Такую кликуху дал Славик своей будущей жертве, и очень уж она пристала к нему – заводной мужик, ох, какой заводной...

Сердце Славика, как после купания в холодном море, билось радостно и самоутверждающе. Он воспрял духом, теперь он как никогда был близок к цели, он – снова боец, вставший в строй после сексуальной кутерьмы с Верухой, Веруней, Верунчиком, Веркой, наконец. Библейский Давид, алчущий сразиться во имя спасения человечества с треклятым, алчущим президентского треножника Голиафом, Жиклером то бишь.

Понимаю, со стороны это смотрится забавно, но это только со стороны. Будь все-таки снисходительнее, читатель: взгляди повнимательнее в достойный облик нашего героя, склони голову перед его суровым замыслом. Вдумайся, в какое время ты живешь.

Бедный, съеденный туберкулезом и нищетой мечтатель Грин, наверное, пару раз перевернулся в своем гробу и горячо проаплодировал, когда

троица – Влад, Веруня и Славик – в блистательном такси стремительно прошуровали Старый Крым – унылое татарское селение на пути из Феодосии в Симферополь, последний приют писателя-мученика.

Перед поездом Веруня сбегала в ближайший гастроном и принесла пакет с бутылками и свертками провизии. Что, несомненно, еще более подняло настроение, раздвинуло горизонты. Тем более, что одну из замысловатых бутылочек тут же, возле кадок с фикусами, и распили.

В купе скорого поезда «Симферополь – Москва», куда его отвела проводница, плавал дым коромыслом. Кутила, как насмерть, как перед концом света, компания все время гаркающих вояк. Младшие по чину провожали старшего, майора. Столик в купе был плотно заставлен початыми бутылками с экзотическими этикетками: «Император Николай II», «Русская рулетка», «Тигровая кровь». Толстенными ломтями была нарезана ветчина, открыты шпроты.

Кряжистый майор кричал и без конца гудел, пригибая по очереди шеи своих сотоварищей, изображая расставальные чувства.

– Васек! Сашок! – вскрикивал он. – Не бздите! Главное, не бздеть!.. Прорвемся!..

Китель жаждущего прорыва офицера был расстегнут, сбоку на ремне висела кобура. Был этот чужой армии майор явно отечественного свойства, истый русак, и как-то не представлялось, что однажды он сможет, взмахнув булавой, пойти на армию других майоров по другую сторону Припяти, исторического Хутора Михайловского. Чтобы Русь поперла на Русь – до такого надо дожить!..

– О! – зашумел майор, обрадовавшись Славике, как брату родному, вернувшемуся из дальних странствий.

Немедленно новый член компании был усажен за столик, и сейчас же ему была поднесена задравная первая чара. Чара как чара, кружка из спецстали, вместимостью с резиновый сапог. Опрокинув ее, можно было тут же пригнуть рога. Но отнекиваться от угощения было чревато, и Славик отпил то ли треть, то ли половину.

– О! – опять вскричал майор, и остальные дружно загалдели. – Одобряю!

Тут проводница попросила провожающих. Шумными были последние минуты расставания, товарищи по оружию провожали своего командира, как на фронт. Они еще шумели в тамбуре, когда поезд уже покатил.

Верка и Влад помахали Славике через стекло.

От второй чары Славик отказался. Майор же, напрягши до красноты бычьим вином, выпил. Багрово вздулись вены толщиной в карандаш, жемчуг пота выступил на лбу. Силен товарищ!

– О, да! – прогудел попутчик. – На казачьей сходке друг другу шеи ломаем. Никому меня не заломать. Любого заламываю. Вас заломать?..

– Нет, – поспешил с ответом Чунасоцкий. – Вроде бы нет пока такой необходимости. А вы что, казак?

– Есаул крымского казачества майор Сердюк! – веско представился силач и поднял призывно сжатый кулак.

– А что, есть и такое казачество? – неосторожно спросил Славик.

Майор так хватил кулаком по столику, что император на этикетке подпрыгнул, а у Чунасоцкого сразу же пропала охота задавать подобные вопросы.

– Есть! – вращая глазами, возвестил майор. – И будет! Возрождаемся с Божьей помощью!

– А с какой целью?

– С какой? – Попутчик уставился на Чунасоцкого и осведомился: – Вы часом не татарин?

– Нет.

– Не еврей? Нет? Ну, тогда слушайте. Наша цель – очистить Крым от татар, греков, евреев и прочей шантрапы. Геть с полуострова! Также и от некоторой части хохлов следует освободиться.

– Какой именно части хохлов? – полюбопытствовал Чунасоцкий.

– От продажных хохлов! – сурово, не давая слаби в голосе, возвестил есаул.

– А что, и такие имеются?

– Тю! Как грязи. Руховцам продались, западенцам. Униаты! Забыли о честном православии. Смотри! – Есаул колыхнулся тарасобульбовским туловом и, повернувшись к Славiku чугунным, отменно лоснящимся тылом, достал из рундука под сиденьем объемный кейс. Раскрыл его, как портсигар, и предложил полюбоваться. У бедного Славика перехватило дых, помутилось в глазах: дипломат доверху был забит пачками денег. Рябило от долларовых, рублевых и купоновых пачек. Впрочем, последних было совсем немного.

– И куда же вы такую пропасть везете? – тихо спросил Чунасоцкий.

– «Куда, куда!» – самодовольно ответил майор. – Да Гриньке подарю. Приеду и вручу. Гостинец от казаков. Учти, не мои личные.

– Какому Гриньке?

– Корешку моему. Грише Гордеевскому.

– Мыс-Гордеевскому? – уточнил пораженный Чунасоцкий.

– Ну да. Будущему президенту.

– Вы уверены, что он станет президентом?

– Станет! – Есаул опять хватил по столу кулаком, опять император в эполетах на пару с Распутиным подпрыгнули. Рот казачьего функционера по-акульи раскрылся, майор вобрал воздух, как перед командой «пли».

Но «пли» не последовало. Вместо этого есаул спокойно сел и буднично сообщил, что он готовится стать по меньшей мере министром обороны в правительстве, которое сформирует после выборов Мыс-Гордеевский. Или одним из силовых министров.

Уверенностью, незалежностью веяло от фигуры силача. Чунасоцкий всегда завидовал тем людям, которые в широком шагании по жизни не

знают ни страха, ни сомнений, не ведают паршивых душевных терзаний и оглядок, просты и безыскусны в выборе средств. Офицер Сердюк был из таких.

Он пил и на другой день.

Поезд отчаянно грохотал в ущельях лесополос, почти безостановочно ломясь к северу, к столице. Как стреляные гильзы, отлетали назад верстовые и пикетные столбики, как картонные мишени в тире, опрокидывались домики вокзалов. Спирт помпой нагнетался в чугунное нутро будущего строителя Вооруженных Сил, как в топке перегорал в нем. Озабоченная перегрузкой печень насылала икоту. Текло изо рта. Водка, голимая водка стояла в остеклевенных, оставевших глазах лихого казака, как бы остановившихся на одной точке. Купе насквозь пропиталось запахом перегара.

Но это было бы еще полбеды. Беда была в том, что питок в споре прибегал к нехорошему аргументу: как завзятый контрразведчик на допросе, хватался за кобуру, расстегивал и застегивал ее.

Дважды он вынимал «макаров», высовывал его в раскрытое окно и прицеливался в ворон на проводах. Выстрела, однако, не производил, но дело на всех парусах шло к этому.

У Чунасоцкого даже появилось желание перейти в другое купе, от греха подальше, но... «Макаров»! Занозой застряла в мозгу мысль заполучить эту штучку в свой карман. В жизни чужой горелой спички Славик не брал, с платины только и начал, а раз уж начал – надо продолжать. Тем более, этот обалдуй в форме того и гляди его самого кокнет. Нет, такой оглушительной пьяни оружие ни в коем разе нельзя доверять. Построив подобную оправдательную платформу, Чунасоцкий начал действовать.

Крымчак между тем свалился и захрапел. Кобуру с ремнем и портупейей он к этому времени отстегнул и заткнул под подушку. Доблестный воин нещадно хрипел и сипел во сне, чмокал и присвистывал. Под завязку загруженный спиртным сон был невероятно тяжел. Во сне попутчик ворочался. Кобура все больше и больше выдвигалась из-под подушки и наконец повисла на ремне над полом. Расстегивай и бери.

Вот это удача!

Славик глянул в окно: мелькали какие-то пакгаузы, растворные узлы, заборы, прошли парящие градирни ТЭЦ. Орел, город русской воинской славы.

Поезд начал пересчитывать стрелки, осаживать бег. Самый момент!..

Он не сводил глаз с латунной кнопочки-застежки. Медлить нельзя, раздумывать тоже, больше такого случая не предоставится. Онемевшими, как бы не своими руками он отстегнул кнопочку, тяжелый «макаров» выскользнул и стукнул об пол. Есаул зачмокал губами, очевидно, подзывая коня...

Сборы были недолги: Чунасоцкий сунул пистоль в спортивную сумку, закинул ее за плечо, куртку – под бок и вышел в нерабочий тамбур.

Обе двери были закрыты на ключ. Он затолкал куртку в сумку и перешел в соседний вагон. Из него в следующий, а когда поезд подкатил к вокзалу Орла, благополучно сошел с другими пассажирами, затерялся среди орловчан.

Следы заметить он уже научился. Пока поезд не отошел от вокзала и майор не хватился пропажи, нужно затеряться в городе, поплутать маленько и там уж думать, как добираться до Москвы.

Он вышел на привокзальную площадь и тут же остолбенел: прямо на него шла, поблескивая очками, его родная жена Галина. Да-да, она. Нет... не она. Нет, она.

Похожая на Галину женщина прошла мимо, даже не взглянув.

И тут же зауделось: как она там? Все-таки нехорошо, отчаянно нехорошо он сделал, даже не позвонив ей. Разыскав переговорный пункт, Славик зашел в кабину и долго тер лоб, вспоминая вылетевший из головы номер ее рабочего телефона. Наконец решился. Пошли длинные гудки, утомительно длинные – как же спрессовывается время в эти секунды! Наконец щелчок.

– Галя! – хриплым голосом позвал он. Молчание.

Он наконец вытолкнул комок из горла и снова позвал: – Галя! Гудки.

Взволнованно походив по залу, он снова законопатился в кабинку. Второй натиск дал результат, жenuшка, видимо, успела опомниться от шока.

– Ты хоть думаешь, что ты делаешь? – был первый ее всхлип.

– Не беспокойся обо мне, я тебе все объясню... Я... я люблю тебя, – фальшивым голосом поторопился он сообщить как надежду и оправдание, но поскольку в этот же момент, как из нетей, возникла и встала перед глазами растелешенная дьяволица-экстрасенсша, то и голос сделался дрянным, фальшивым. Совсем ни к чему была эта фарисейская фраза.

Галка, умница, конечно, не обратила на нее внимания.

– Тебя на работе ищут. Что ты там натворил? Мне ничего не говорят.

– Скажи всем, что я у матери, в Искитиме. Звоню из Новосибирска.

– Уже справлялись... Нет тебя там.

– Как Илюшка?

– Каждый день спрашивает, где ты, и сны нехорошие видит. Когда вернешься?..

– Не знаю. Пи-пи-пи.

Все. Больше он звонить не будет. Подал весть, что живой, и ладно. Потом все узнают. Краснеть Илюшке за него, Бог даст, не придется. А все-таки он, наверное, подлец по отношению к ней!..

Обломок княжеского рода

Обломок княжеского рода Куракиных Ярослав Куделин по-своему, по-куракински, развлекался.

Род этот куракинский, своевольный и кичливый, кто только не стирал в пыль и порошок, кончая Берией. Сам граф Толстой-Волконский, сопер-

ничающая фамилия, наложил могущественную длань, выведя в «Воине и мире» желчными красками фанаберического негодяя Анатоля Курагина. Иван Грозный – так тот вообще вытер ноги о буйную родовую, затолкал ее в татарскую тмутаракань унавоживать завоеванное ханство, ставя промеж татарских аулов деревни с опальными насельниками. Но и там, среди лесов и полей, в стычках с туземцами этот аристократический чертополох, цепляясь и царапаясь, схлестываясь голубенькой своей водицей с парными, дымящимися кровями хлебопашцев и прасолов, всяких там Мясоедовых, Смолочуровых, Куделиных, не потерялся, а на излете, на самом уж последнем разбавлении выбрызнул, выдал миру такой плодотворный побег, каким был суперсекретный ученый Ярослав Порфирьевич Куделин, по матери именно Куракин. Созданные им потрясающей силы магнитные сверхполя были делегированы веку грядущему. Шикарный подарок потомкам, а пока эти поля, не находя должного применения, использовались в чисто прикладном значении: несли боевое дежурство на заоблачных терминалах космических войск. Выходной пиджак Ярослава Порфирьевича, как и у Сахарова, с тремя золотыми звездочками, имел до пуда наградного металла, и, если бы упал с вешалки, в Москве и впрямь затряслись бы люстры.

На войну, однако, Ярослав Порфирьевич работать не захотел, а с тем же покойным Андреем Дмитриевичем занялся никчемщиной: разработкой идеи разбегания Вселенной по обе стороны времени – и назад, в прошлое, и вперед, к будущему – от того самого момента, когда не имеет смысла вопрос: «Что было раньше?». На языке многоумных академиков это называлось «барионная асимметрия Вселенной». Однако все должно быть симметрично в нашем мире: лавровый веночек и колючая проволока, сухари и птифуры, шуба с барского плеча и лишь хлястик от этой шубы. Да-да, все попарно симметрично, никакая асимметрия не допускается. В результате почетный выход на пенсию, тот самый хлястик. По сравнению с двенадцатью годами лагерной махорки в «шараге» под Новосибирском это сущий пустяк, почти птифурка, то бишь пирожное.

Вот Ярослав Порфирьевич и развлекался...

Собрав некий хитроумный приборчик в комбинации с обыкновенным транзисторным приемником, он поводил агрегатом по стенам, плинтусам и потолку и с точностью до сантиметра установил те места в удручающе огромной, с зимним садом и солярием, квартире, где были смонтированы подслушивающие устройства. Несколько штук в стенах, один – под плинтусом, другой – в рогатине казенной люстры. Целую неделю ученый потратил на то, чтобы с помощью зубила и молотка осторожно, не повреждая, извлечь замурованные в бетон жучки. Археологическая операция была проведена с блеском. Потирая руки от удовольствия, трижды Герой Социалистического Труда взялся за паяльник, пассатижи и телефонный провод, посредством которого соединил и вывел все жучки к себе на стол

в кабинет. Далее и пошло развлечение. На десерт Куделин предложил своим слушателям питательнейшее из блюд: подвинул и включил на полную мощность вещательный приемник. Таким образом гипотетические слушатели могли денно и ночно наслаждаться всеми тремя программами радиовещания. А тут в марте запели свои арии коты в саду под окнами, и Ярославу Порфирьевичу, достойному куракинскому отпрыску, вошло в голову опустить в этот сад, кишущий алчущими секса котами, микрофон. Теперь в грозном доме на Лубянке могли упиваться упоительными, полными ретивых возгласов кошачьими концертами, а в перерывах Ярослав Порфирьевич для разогрева крови подпускал Вагнера. Воинственно порхали над поверженными богатырями валькирии, мрачные и злые нибелунги грызли, урча от ярости, свое кольцо...

А где-то в неведомых высотах, выстроившись цепью на стационарной орбите, стерегли ближний космос куделинские платформы. Они были готовы вобрать в свое магнитное лоно любой объект, пролетающий мимо, вобрать и уничтожить. Будь то «Челленджер», будь то «Першинг». Для своих аппаратов имелись коды...

Эх, пересолил Ярослав Порфирьевич. В один прекрасный день с помощью обычного амперметра он обнаружил, что жучки мертвы. Их просто-напросто отключили. Не вынесла душа...

Вскоре Куделин начал замечать некую парочку за окном. Двое парней в одинаковых вязаных шапочках то влюбленно ворковали друг с другом, как голубые, то гоняли понарошке мяч, согреваясь футболом. Один приводил огромного пса, ньюфаундленда. Иногда они сидели на разных скамейках и читали газеты. Не засечь парочку нельзя было, слежка была вызывающе открытой, с ученым уже не считались.

Ах так!..

Ярослав Порфирьевич достал морской бинокль и без труда разглядел под вязаными шапочками утолщения. Наушники. С ребяческим азартом он принялся сооружать новый прибор. Устройство было уже готово и даже потихоньку опробовано, когда раздался телефонный звонок от молодого человека по фамилии Чунасоцкий...

– Айда! – Он схватил молодого человека за рукав сразу же при входе и потащил его в зимний сад – на балкон-веранду со сплошным рядом окон и стеклянной крышей. Надо сказать, ничего в этом саду, кроме фикусов в кадках и каких-то унылых азалий не росло, садом помещение можно было назвать разве что условно, но окна были. Замечательные, чисто вымытые окна. Вот к одному из них и подвел ученый Славика.

– Смотри! – повторил академик и вытащил из-за фикуса некую панель, усеянную, как мухами, радиодетальями, с выносной антенной, какую применяют при «охоте на лис».

Куделин подключил неуклюжее устройство к сети, и Славика подмигнул с панели зеленый глазок. Что-то ужасно зазуммерило внутри само-

дельного аляповатого монстра, Ярославу Порфирьевичу пришлось повертеть ручки, успокоить гневающийся аппарат.

– Оцени! – строй бесовских искорок пролетел и рассыпался в пацанячьих глазах ученого мужа.

Неразлучная парочка игралась за окном как ни в чем не бывало. Ребятушки перепинывались ледышками. Они делали это так азартно и вкусно, что и самому академику захотелось бегом спуститься вниз, попинаться. Но замысливший жестокое отпрыск битого рода был безжалостен. Он приставил дюралевую раму самодельной антенны к окну и начал, потирая руки, священнодействовать над устройством. Галантно отставив мизинчик и подмигнув Славике, микроскопически крутнул валик настройки. И тотчас посмотрел в окно. Никаких изменений у играющих не произошло – ручка настройки явно требовала большего. Нател! Парочка прекратила играть. Филеры озадаченно уставились друг на друга, затем – с новой подвижкой ручки – вовсе бросили игру и пошли на скамейку, то один, то другой прикладывал руки к ушам. Точно они у них вдруг заболели-ззудели и надо было их почесать. Но и этого было мало хулигану-академику – он повернул ручку до упора. Попеременное прикладывание рук к ушам участилось, служивые уже откровенно начали тереть, тискать, свои вязаные нахлобучки, готовые вовсе сбросить их.

И это был не предел. Бес, вселившийся в академика, требовал полного аутодафе. И академик не выдержал.

– Держитесь, ребятушки! – проникновенно шепнул он с бурлесковым огнем в глазах и достал из стола изолированный обрывок провода с двумя клеммочками на концах.

Приоткрыв от усердия рот, трижды Герой сунул эти клеммочки в нутро устройства.

Прибор ознобно затрясло, он заскакал, застучал по полу, а с улицы донесся душераздирающий вопль. Академик и Чунасоцкий моментом прильнули в стекло.

Обоих филеров как бы подкинуло на скамейке, они, пустившись в дикий половецкий пляс, с остервенением начали сдирать свои петушки. И вскоре стояли друг против друга со всклоченными волосами, беспомощно поглядывая то на окна академика, то на свои вязаные шапочки, крепко зажатые в руках.

Ярослав Порфирьевич показал им язык, и филеры, озираясь, держа шапочки в вытянутых руках, как вонючие рыбы кишки, гуськом покинули двор.

Академик рассмеялся.

– Что, – спросил Чунасоцкий, – разве и сейчас следят?

– Странный вопрос. А почему они должны прекращать слежку? Чем им заниматься тогда? Сразу же всех не выкинешь на улицу? Авось сгодятся. Завтра опять коммунаки к власти явятся, а у этих – на-те, все готово.

Куделин пригласил гостя в столовую. Достал из бара в стенке бутылку «рябины на коньяке», принес закуску.

– Ну-о...

– Вот вам письмо от Влада.

Академик прочитал письмо, пожевал губами и предложил выпить. Затем, обсасывая дольку лимона, спросил:

– Значит, и Влад работает на войну?

– Да, разработки с дельфинами оборонные.

– А вы, молодой человек, чем занимаетесь?

– А я тоже на оборонке. В закрытом институте. Академик чмокнул, дожевал лимон и покачал головой.

– Вот вы, я, он, она – все мы работаем на оборону. А кто же на человека-то работает? Странная страна.

– Была...

– Ну да, ну да. Была и осталась...

Ярослав Порфирьевич задумался.

– А вы действительно с Сахаровым работали?..

– С Андрюшей?.. Да. Начинили мы с ним в Сарове. Потом я уехал в Москву, а там и он перебрался.

– Вы что-то вместе в последнее время разрабатывали. Мирные разработки...

– Вам Влад сказал?

– Он.

– О да! – поднял палец академик. – Решали, каждый по отдельности, небольшую проблемку. Выясняли, предсказуемо ли будущее.

Голова у Чунасоцкого легонько закружилась. Он так и застыл с полурастворенным ртом, боясь пропустить хоть слово. Вот, оказывается, чем занимали свой досуг оборонные академики.

– И к какому же выводу вы пришли? – Славик никак не мог унять волнение.

– «К счастью, будущее непредсказуемо...» Это подлинные слова Андрея Дмитриевича. Он полагал, что в данный момент будущего не существует, возможны лишь разные сценарии его развития, в том числе и взаимно противоположные. Он писал «к счастью», и был, вероятно, счастлив, что к этому пришел, что никакой фатальности нет, никаких обещанных апокалипсисов ждать не следует. Будущее, по оптимисту Сахарову, целиком зависит от наших действий и поступков. Но... только в нашей Вселенной. Андрей предполагал и наличие других Вселенных, параллельных нашей...

– А вы сами-то, – дрожа от нетерпения, спросил Славик, – согласны с Сахаровым? Насчет будущего.

– Видите ли, молодой человек, – улыбнулся Куделин, – у нас, ученых, уж так заведено: если один ученый высказывает некую точку зрения, дру-

гой должен высказать совершенно иную, даже если знает, что он неправ. Иначе какой же ты ученый, если в задер не пойдешь. Такая вот ребячья состоятельность, и ничего с этим не поделаешь.

– И вы...

– Да-да, мой друг, простое размышление в вечерние минуты у камина привело меня к мысли, что будущее ждет нас у порога, упакованное в аккуратные тючки, именуемые столетиями. Диск уже записан, матрица отштампована. Проигрывается пластинка, и игла воткнута в том самом месте, в каком моменте времени мы сейчас с вами находимся.

– И эту иголку можно переставлять? Туда-сюда, как это Ванга делает.

– Ну Ванге это тоже не под силу, она просто имеет дар Божий заглядывать на соседние канавки.

– А другой предсказатель... Нострадамус. Вы не смотрели на днях фильм по телевизору? О предсказаниях Нострадамуса?

– Это где в конце концов вылетают из шахт наши и чужие ракеты, а их обстреливают космические платформы? Этот, что ли?

– Да.

– Видел. Ведущий с бородой, как у Жюль Верна. И врет, как Жюль Верн.

– Почему «врет»?

– Да потому врет, что Мишель Нотр Дам ничего этого не предсказывал. Вы читали хоть один катрен Мишеля? Я говорю даже не об оригинале, о переводе лишь...

– Нет, конечно, не читал.

– Почему «конечно»? – даже обиделся академик. – Возьмите и почитайте. У него там, в этих катренах, Книгах пророчеств, все так закодировано, так напутано, что сам черт ногу сломит. Очень уж противоречивый материал, хоть так, хоть этак истолковывай. Вот и стараются всяк на свой лад. История ведь, милый друг, повторяется, ничего нового в ней не происходит, сменяются только материал и средства, но не ситуации. Так вот – к любой странице истории бери его катрены и прищипливай. Вот, например, этот... Кстати, единственный, который наизусть помню:

Сколько раз ты будешь взят, город Солнца. Много раз в тебе будут меняться варварские и пустые законы. И еще раз, попозже, ты постраднешь еще больше. Великая Адриатика покроет твои улицы.

– О каком городе идет речь, догадались?

– Нет, конечно.

– Вот и я нет. Может, это Рим, а может, и не Рим. Может, Москва? Под водами Адриатики некоторые расшифровщики разумеют Антимир, мир Сатаны. То есть безверие, ужасы придут, затопят наши улицы. И там, в фильме, я больше чем уверен, распечатка режиссера. И ведущий врет, потому что надо врать, так велят. Вот он и врет.

Это был удар. Под самый дых. Не смертельный, но крепко пошатнувший все славиково устройство. Замысел убить Мыс-Гордеевского в момент

показался доморощенно-убогим, ничтожным, ребячьим. Тот ли Гришка Жиклер человек, который свергнет в агонию человечество? Ведь сомнительно. Возможно, Нострадамус и прав, но это другой человек и Славик царапается по ложному следу. Или все произойдет гораздо позднее, когда его уже не будет в живых. Ведь никакого такого Голубого принца, завоевателя арабов, еще даже не просматривается на горизонте, не проклевывается он. Не лучше ли будет в компании вот с этим умным человеком разрешить все сомнения?.. Вот сей же час, пока предмет спора не остыл...

Академик приволок из домашних запасов другую бутылку «рябины на коньяке», вкуснейшего и, вероятно, полезнейшего питья, и эта вторая бутылочка как следует развязала язык. Если замысел так убог и рушится на глазах, так почему бы не поделиться напоследок им со сподвижником Сахарова? Дабы совместно и осмеять.

И тут – черт дернул-таки за язык – Славик со смешком, в порядке застольной шуточки и, надо сказать, с легким сердцем поведал о своем гнусном намерении, тем более, что академик уже перешел с ним на «ты».

Реакция академика на интимные излияния Славика была соответствующей – бойцовски-крепкой, почти боцманской:

– А я бы не одного Гордеевского, я бы всех этих к кремлевской стенке поставил. Разбзарили страну. Но ты этого не делай! – взял он за рукав Славика. – Плюнь! Убьешь одного – другой заразе место дашь.

Академик отпустил рукав и сделался серьезным:

– Видишь ли, Божий промысел, как ни крути, а существует, а коли это так, то все и должно свершиться точно по упомянутому промыслу. Подозреваю, Боженку, или кого-то там, наверху, мы давно уже притомили и он давно уже приготовил венчик и совочек, чтобы вымести человечество из загаженной им квартиры, как пустой мусор. Замысел был хорош, да и воплощение – нет слов, чудо! А результат плачевен. Мы нарушили самый главный закон, который когда-либо и где-либо мог существовать – этику Вселенной. Мы стали бельмом на глазу у космоса, мы нарушили нравственные императивы Вселенной, самый главный постулат – не вмешиваться! – и должны быть готовы поплатиться за это. И очищение огнем – самое легкое очищение, которого мы, выродки, ублюдки, парии, удостоимся.

– И сколько же, по вашим подсчетам, Ярослав Порфирьевич, нам осталось дышать, наслаждаться земной благодатью?

– Ирония тут вовсе неуместна. Сего не ведает никто. Даже Ванга. Сказано же в «Деяниях...»: «Не ваше дело знать времена и сроки, которые Отец положил в Своей власти».

– Значит...

– Значит, выбрось-ка ты из головы эту эсеровщину. Созоновы, Каляевы, разносившие людей на куски, они же ведь уже были... Они же... крайне несимпатичные люди. Без брезгливости к ним относиться нельзя.

– Это с какой стороны подходить. Для иных они герои.

– В том-то и беда, что у нас Каляевы в героях. Отсюда-то все и беды. Разговор становился тягостным, заходил в тупик. Вернее, замахивался еще на одну тему, которую уж не осилить после сказанного. И так было о чем подумать.

Чтобы закончить спровоцированную рябиновкой беседу, Славик напомнил о платине. Покачав мешочек на руке, потетешкав его с ладони на ладонь, академик хитровато сощурился:

– Два лимона!.. Достаточно?..

Чунасоцкий пожал плечами.

– Хорошо. Пристегиваю еще лимон, идет?

– Согласен! – возликовал внутренне Славик. Чего скрывать, кроме скудных эмэнэсовских грошей да айсорского аванса, он не держал денег в руках. Три миллиона казались крезовским богатством, подарком судьбы. Вот теперь он распорядится ими.

Хозяин опять провел гостя в зимний сад с унылыми фикусами. По пути Славик все же поинтересовался:

– Если не секрет, то зачем вам, Ярослав Порфирьевич, платина?

– О! – взвился академик. – Ждал вопроса. И с удовольствием посвящу. Да-да, посвящу.

Куделин прошел к стене, поднялся на самодельный подиум с точеными, покрытыми морилкой и лаком балясинами перил и достал из-под потолка, с антресолей плоский, размером с чертежную доску самодельный же ящик, который, раскрывшись, неожиданно превратился в витрину ювелирного магазина. На темно-синем бархате ровными рядками лежали припиленные, как коллекционные бабочки, изделия ювелирии: кольца, перстни, печатки. Золота было мало, больше серебра. Там и тут посверкивали камушки. Кое-где холодно поблескивала платина.

– Собственноручно выплавил, – похвастался академик, – вот и плавильная печечка по моему проекту. – Он похлопал по боку небольшой бачок из нержавеющей стали с толстым электрошнуром. – Двухкиловаттник. Хватает.

Особенно привлекали печатки. Каждая с сюжетцем: там адамова голова, там цветок, там змейка, тут голая женская фигурка, изощренно свернувшаяся в клубочек для компактности.

– Формы сами делали?

– Ну! Вот, милый мой, – разъяснил трижды Герой, – хожу по выходным к Киевскому вокзалу, продаю. Видишь ли, жить привык на широкую ногу, ни в чем себе не отказывать, а пенсии не хватает.

– Велика ли? – поинтересовался Чунасоцкий.

– Считаю, сто долларов. Как в Того.

– Да, негусто платят у нас трижды Героям! – искренне покачал головой Славик.

– Кое-кому платят, – прищурил глаз академик. – Но та лавочка не для нас. Мы уж сами как-нибудь.

– И сколько выходит?

– Представь себе, на хлеб с то-олстым слоем масла хватает. Да не в этом дело. Иная пройдет – эх! – так окатит взглядом, так обольет, как промочит все внутри. Даром отдашь. Я и отдаю. Дарю. И таким себя двадцатилетним чувствую – смак! Просто смак! – Куделин вкусно прищелкнул языком.

Он выбрал печатку – именно с адамовой головой – и торжественно вручил ее Славику.

– Носи. На здоровье.

Царский подарок. Примерил его Славик на безымянный палец – в самый раз. Пожалел, что не в Одессе: такой славной печаткой только и драться с бандитами. Кастет, боевое оружие. Авось пригодится.

(Продолжение читайте в следующем номере)

ЭЛЬВИРА КУКЛИНА

От утюга ожог?
Значит, рубашку в мусорку?
... Так – за шажком шажок –
Боль переплавишь в музыку...
Самой любимой была
С тонкой полоской розовой!
Что ж не уберегла?
Стала рубашка бросовой.
... Бросить из сердца прочь.
Памятью вновь не раниться.
Здесь уже не помочь:
Стала тряпьем избранница.
От утюга пятно.
Всё. Не реанимировать.
Кажется, решено:
Кинуть, нельзя помиловать!
... Только сожмётся вдруг
Сердце так горько стало ему...
Словно давнишний друг
Выбыл по адресу старому...

Телефонная будка. Нынче таких не сыщешь.
Может, только в глухом захолустье и то случайно.
Ты какими судьбами здесь, Расскажи, дружище,
На заплёванной автостанции, возле чайной?
(Возле чайной – читай «пивнушки», насквозь пропахшей
Перегаром и дымом, сонной и малолюдной.)
Атрибут моей юности, из городов пропавший,
И чего ты тут маешься, лишняя абсолютно?
В твоих окнах без стекол по осени ветер свищет,
А зимой не согреет никто на морозе лютом.
Телефонная будка, бедняга, ты стала нищей,
Упразднили монету-двушку – твою валюту.
Пацаны предлагали тебе кругляши-железки,
Ловкачи попадались: гоняли туда-обратно
«Неразменный медяк» тот, что с дыркой, на тонкой леске,
И на «удочку» эту ловили звонки бесплатно.
...Телефонная «спальня», не важно, что тесновато:
Головой на газету, а ноги где-то снаружи.
Мой отец, охранявший на «срочной» ЗК когда-то,
Так и спал – под газетой табельное оружие.
...Телефонная «крыша» спасала меня от ливня.
Переждешь! И бегом по рекам быстротекущим!
А порой ты казалась кабиной волшебного лифта:
Закрываешь глаза – и несет тебя к райским кущам...
...Телефонная «исповедальня», слыхала столько
Излияний сердечных, тома напечатать можно.
Чьи-то тайные слёзы в себя ты вбирала стойко
И признания чьи-то хранила, как сейф надежный.
Нет ровесниц твоих, последняя могиканша...
Ты сама себе памятник, где-то «в ногах» цветочки.
Островок безмятежного «было». Осколок «раньше».
Постаревшее детство в заржавленной оболочке.

ВАЛЕНТИНА ЕРОФЕЕВА

* * *

Уходит боль из правого виска,
И мир теплеет.
Новорождённо чистая доска
Восторгом млеет,
Предчувствуя каракули любви –
Весенней блажи.
Неважно чьи – чужие иль свои,
Почти неважно.

И тесный мир притянут и объят
Души распахом.
Немного жаль, что все, конечно, спят,
И не услышать ахов
По поводу спирального витка
И обновленья...
Лишь на закате – тлеют облака
Тоской смятенья.

* * *

Несуетная тишь, невиданная гладь,
Быть может, даже Божья благодать
Намоленного домика
вдруг снизошли ко мне,
И тени мягкие колышутся в окне,
Чтоб тайной росчерка улечься на ковёр
И воскресить забытое с тех пор,
Как помню я себя.
А время, ненавидя и любя,
Раскручивает звёздную спираль,

Но не уходит по привычке вдаль
 По проторённо Млечному Пути,
 А медлит, медлит – не спешит уйти.
 И зависает вдруг над головой,
 Стирая грань меж счастьем и бедой,
 Ушедшим и стремящимся ко мне,
 Дождём скользящим шелестит в окне,
 Врачуя искажения души, –
 Пред вечностью блаженной не спешит.

* * *

Откуда это? Из каких
 Запасов тайн, полупризнаний
 Ты проявился и затих,
 Страшась очерченности знаний
 В границах, заданных судьбой?

И полу-ветер, полу-всплеск,
 Тончайший штрих, нежнейший блеск
 Соединяют нас с тобой,
 Мой милый демон, ангел мой...

ТАТЬЯНА КОСТОПУЛУ

ШАХМАТНОЕ

« Хочешь, сыграем в шахматы? »

Ты ходи белыми. Чёрными – я.
 Между нами – поле, на нем – колея.
 Я чеканю алисий летящий шаг,
 Зазеркальный, до свиста в ушах.
 Пляшут клетки мозаикой наших фраз.

Ты ошибся, мой белый, на этот раз.
 Я предчувствую каждый небрежный твой ход,
 Мы враги, и один из нас лжёт.
 Вечер лижет мне руки дворовым псом.
 Я – твоя неприятность. Смотри мне в лицо.
 Повернёшься спиной – сам виноват,
 Я в три хода поставлю мат.
 Слишком долго ты думаешь. Всё, ходи.
 Шахматистов таких здесь пруд пруди
 А играть – так играть. Не спи, твой ход.
 Выводи фигуры вперёд.
 Я поддамся. Я – дура, а ты – герой.
 Я играю по жизни, живу игрой.
 И один ещё проигрыш – так, не в счёт.
 Позабудется всё, пройдёт...
 Ты мне дорог, как игры, звёзды, стихи,
 Я тебя любила бы даже плохим,
 Но всё это – чушь, слова, мишура,
 Ешь фигуры, кричи «Ура!»
 Что теряешься? Радуйся, ну, кричи.
 Зазеркальных Алис нелегко лечить,
 Но однажды Алиса солжёт сама.
 Ей наскучит фальшивый мат.
 И тогда – в кучу кони, слоны, ферзи,
 И плевать с колокольни, кому дерзить.
 Перепрыгнет границу тебя – ручья.
 Поздравляю. У нас ничья.

Захлёбываться стихами –
 да, это она могла.
 Ещё бы на шею – камень
 и в воду. И все дела.
 Алёнушкам до Иванов –
 не шаг сквозь водную гладь.
 Не братья рисуют раны,
 не сёстрам их с душ стирать.
 Затянется всё с морозцем.

Отплачется. Прогорит.
Бывало, и прежде солнца,
как спички, гасли внутри.
И серыми были будни,
и цокала тишина.
Но кто-то нас вечно будит
от выдуманного сна.
И солнце встаёт над лесом –
такой у него закон.
Влюблённый в неё повеса
уже хорошо знаком,
и с каждым «люблю» всё ближе,
всё трепетней, всё родней.
И прошлое так бесстыже
без камня лежит на дне,
забытое и чужое,
не ранящее людей.
...Над омутом снова двое
гадают на тёмной воде.

АЛЕКСАНДР ТИХАНОВСКИЙ

ПРО АФГАН

Раскалённое солнце... раскалённый песок ...
раскалённый песок под ногами...
Раскалённые нервы сжимаю в комок.
И «Ака» раскалённый сжимаю руками.

Бой окончен. И жить
мне осталось чуть-чуть...
И семнадцать ребят ни за что не вернуть!
Скоро час, как в ущелье зажали.

Ни к чему вспоминать,
кто во всём виноват,
хорошо нас враги посчитали...

Я последний уже пристегнул магазин
и пошёл мне отсчёт
с тридцати на один...
что ж, попробуй, возьми, бородатый!
А за то, что чуть дольше мне выпало жить,
вы меня извините, ребята!

Обошли... окружили... молчат автоматы...
вот и всё в девятнадцать-то лет.
Рву зубами чеку у последней гранаты!
Эхо взрыва салютом...
меня больше нет...
Раскалённое солнце...
Раскалённое небо...
Что ещё рассказать про Афган?
Только то, что отсюда задолго до срока
нас увозят к своим матерям!

ЕЛЕНА ЗАЙТОВА

ТОСКА

Упала яркая звезда с ночного неба.
А знаешь, просто увидеть тебя сегодня мне бы.

Но не успела загадать свое желание:
Стою, смотрю на небосвод, как на заклятие.

Над головою небеса, но все темнее,
А на душе еще больнее и грустнее.

Утихла речка за бугром – волна прохладна,
Раз не успела загадать, то и не надо.

Чего стоять, зачем смотреть на звезды в небе?
Хотелось бы да ввысь слетать сегодня мне бы...

Эх, вы мечты мои, мечты. Мои удачи.
Не буду больше ввысь смотреть, а то... заплачу.

АЛЛА ПРИЦ

Не вспоминай её – разлука
Сама придёт! Пусть невзначай...
Не знаешь ты, какая мука
В твоих «люблю» искать «прощай»!

Да и в моих «люблю» стремится
Она все двери – на засов!
Но не могу наговориться
Я этих горько-сладких слов.

Мне больно от любого звука
Твоих «я твой!» и «ты моя!».
От неожиданного стука,
Как будто вздрагиваю я,

Когда в твоих глазах читаю:
"Мы знаем, тень разлуки – там..."

Пойми, и от «люблю, родная!»
Взлетать я не даю мечтам.

И пусть пока всего угрозой
Твоё последнее: «Ушёл...»
Поверь, шепчу я через слёзы:
«Любимый, как мне хорошо...»

ДМИТРИЙ ТЕРЕНТЬЕВ

Срок правленья осени истек.
Всадники зимы въезжают в сёла.
Я упавший с тополя листок,
Ветром ураганным унесённый.

Я летел неведомо куда,
Направленье изменить не в силах.
Подо мной холодная вода
Ранее упавших проносила.

Я к земле прижался и умолк.
Чтобы навсегда с землёю слиться.
Чтобы по весне вновь тополь смог
К солнцу протянуть живые листья.

Холодное черное море.
Пейзаж надоедливый, блеклый.
Зачем я с любимой поспорил,
Дошел до взаимных упрёков.

Иду как угрюмая осень,
С портфелем дождей за плечами.
Зачем я любимую бросил,
Оставил одну на причале.

Я верю, любовь дана свыше.
И встреча была не случайна!
Я оклик любимой услышал...
Да нет, это крикнула чайка.

ГРИГОРИЙ СОМОВ

ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА

Как в сказку, зимним днем погожим
Я в лес на лыжах захожу.
И каждый раз (не зря, похоже)
Здесь вдохновенье нахожу.

Мне тут знакома вся округа.
Я по своей лыжне качу.
И сосны лапами, как друга,
Похлопывают по плечу.

Но вот лыжня свернула круто,
И из-за сосен в тишине
Березки стройные, как - будто,
Навстречу выбежали мне.

Я не могу проехать мимо
Такой волшебной красоты.
И свет берез неповторимый
Ко мне струится с высоты.

Листом бумаги чистой словно
Передо мною снег лежит.
И по нему строкой неровной,
Как новый стих, лыжня бежит.

МОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

Неслышно лист упал на тропку,
Грусть осени в себе тая,
А по листве, ступая робко,
Идет со мною дочь моя.

А дочери всего два года.
Встречает мир ее, маня.
Как ловко матушка природа
Смогла скопировать меня.

Идет со мной моя девчонка.
Меж нами связь грядущих лет.
В моей руке ее ручонка,
И крепче этой связи нет.

А листьев тихое круженье
Уводит от мирских забот...
Мое земное продолженье
Со мною рядышком идет.

МАРГАРИТА САТИРСКАЯ

Заложница

Двери концертного зала распахнулись, выпустив в жужжащую цикадами южную ночь пеструю толпу отдыхающих. Смеясь и переговариваясь,

основная масса зрителей направилась к отелю, огромной пирамидой возвышавшемуся на холме. И лишь тонкий ручеек людей потянулся с холма вниз, к стоящим на берегу моря частным домам. Группа из трёх женщин и мужчины первой ступила на каменистую тропу и стала резко спускаться к базе отдыха «Восход», где они отдыхали в маленьких деревянных домиках на берегу неширокой речушки, которая метров через двести впадала в море.

– Зря мой дуролом не поехал с нами, – бойко рассуждала одна из женщин, проворно передвигаясь в босоножках на высоких каблуках по камням в темноте. – Сорок дней отцу он справить должен! А мы-то как хорошо справили прямо в дороге – в Иловайской чего только не продавали на перроне!

– А какая курица была, Марина Петровна! А фрукты! – мечтательно произнес мужчина. – А вот водка была не так холодна, как хотелось бы, – добавил он.

– Ну, Олег, всем не выберешь, но отметили мы все равно неплохо, – примирительно отозвалась Марина.

– Наша малышня, наверное, все глаза проглядела, нас поджидая, – вступила в разговор другая женщина.

– Да ладно, Елена Степановна, в карты, наверное, режутся как всегда! Истрепали их, наверное, до дыр! – засмеялась Марина.

– Когда домой поедет, надо будет новую колоду купить, они все карты замусликали! Сладости и фрукты почему зря мегут, – добавила девочка-подросток, идущая по тропе первой.

– Ты, Катя, под ноги смотри внимательно, уж очень быстро ты бежишь, – сделала замечание дочери Марина.

Но девочка уже выбралась с тропы на тротуар и поджидала взрослых, нетерпеливо притопывая ногами.

– Мам, давай быстрее, – капризным голосом обратилась она к Марине, – я в туалет хочу, а ты еле плетешься!

– У меня ведь босоножки на каблуке, а не как у тебя – на сплошной, – парировала Марина. – И не делай из пустяка проблему – кругом темнота и кустов полно, присядь и сделай свое дело.

– А я, Катя, на стреме постою, – хохотнул Олег.

– Да ну вас! – рассердилась девочка и побежала вперед – до базы отдыха было рукой подать.

В этот момент Елена Степановна, шедшая последней, запнулась и упала на четвереньки.

– Олег! Что ты за мной не смотришь?! – капризно закричала она. – Гляди-ка, побежал за Катей как молодой!

Олег молча вернулся к жене, помог ей подняться.

Марина наблюдала за приятелями, стоя уже на тротуаре.

Все трое отвлеклись и не видели, как из-за поворота дороги появилась встревоженная Катя. Они еще обсуждали падение Елены Степановны, как вдруг увидели вернувшуюся девочку.

– Что случилось? – громче, чем обычно, вскрикнула Елена Степановна. – Да там, на базе произошло что-то, милиция все оцепила, туда не пускают, – растерянно объясняла девочка.

Взрослые одновременно бросились бегом к базе отдыха.

У ворот базы они увидели толпу из отдыхающих и жителей окрестных домов, милицейскую машину, машины «скорой помощи» и пожарных. Многие женщины громко плакали.

Олег первым подбежал к толпе и стал расспрашивать стоящих людей.

Когда подбежали запыхавшиеся Марина и Елена Степановна, он уже выяснил, что все отдыхающие, находившиеся в домиках, взяты в заложники чеченским боевиком Кюридом Ахмедовым и содержатся в столовой – отдельном здании, стоящем почти в центре базы.

– Что же это будет? Они же его убьют! – белая, как полотно, Елена Степановна в своей белой джинсовой юбке опустила прямо на землю и прислонилась спиной к стволу магнолии, закрыв лицо руками.

Марина знала, что значит в жизни приятелей их семилетний сын. Первая беременность закончилась у Елены Степановны крупным выкидышем, а при рождении Саньки у неё открылось такое кровотечение, что её еле спасли. И если вдруг с ним что-то случится...

Марина закрыла глаза от ужаса, представив рядом с Санькой свою трусливую девятилетнюю Лену, и ей стало страшно за этих детей. И еще её грызла совесть за то, что это с её подачи дети остались одни в домике – Марина пожалела денег на концертные билеты. Вот и сэкономила, идиотка! Но надо было что-то делать, потому что Елена Степановна рыдала в голос под магнолией, а Олег растерянно стоял рядом и не мог её успокоить.

– Олег, позаботьтесь о Кате, – сказала она и, сунув в руки испуганной дочери блестящую театральную сумочку, скрылась за углом забора.

На днях она задержалась со сборами на море и, догоняя дочерей и приятелей, пошла им наперерез парком базы, выйдя на дорогу через дыру в заборе. Вот сейчас она и решила воспользоваться этой маленькой хитростью.

Марина вышла в тыл милиционерам, которые стояли в оцеплении у столовой, подняла над головой запрещающую проход ленту и вышла к крыльцу столовой.

– Эй, вы там! – закричала она, подняв над головой руки и повертев ими, словно в танце. – У меня нет оружия, выпускайте меня!

– Женщина, – прогремел чей-то голос, усиленный мегафоном, – сейчас же вернитесь за оцепление, я вам приказываю! С вами говорит начальник...

Но Марина не расслышала, что за начальник с ней разговаривал – она уже поднялась на крыльцо столовой, и ей уже открывали дверь. Как только она вошла в темное нутро помещения, от стены оторвались две невысокие худенькие фигурки и бросились к ней.

– Мама! – громко крикнула девочка.

– Тётя Марина, – рыдал мальчик, обхватив Маринину талию руками и оттолкнув подружку, – они нас убить хотят, у них автоматы у всех!

– Не плачь, Саня, я затем и пришла сюда, чтобы с вами ничего не случилось. Сейчас во всем разберемся! Она погладила по головам его и Лену, молча прижавшуюся к матери.

– Ну, кто тут у вас главный? – бодро спросила она, снимая с себя светло-коричневый кардиган и накидывая его на детей.

Один из боевиков автоматом указал на высокого бородача, который стоял у одного из окон с автоматом на плече. Отправив детей снова к стене, Марина смело подошла к главарю боевиков.

– И что такое произошло, что надо было даже детей в заложники взять?

Что молчишь? – отдыхая на Кавказе и в теплых арабских странах, Марина привыкла обращаться к южным мужчинам на «ты».

– И ты молчи, ох! – ответил бородач, напряженно глядя в окно.

Свет в помещении проникал с улицы от фонаря у ворот и от включенных автомобильных фар милицейских машин.

– Это почему ты меня сестрой называешь? – рассердилась Марина, ориентируясь немного в арабском языке. – Разве с детьми сестры ты бы поступил так?

Где-то в углу на одной ноте плакал маленький ребенок, которого, похоже, никто и не успокаивал. Бородач внимательно посмотрел на Марину. Высокая, с идеальной фигурой, она была одета в черный или темно-синий брючный костюм из тонкой, наверное, шелковой ткани в мелкий горошек, босоножки на шпильке. Руки украшали блестящие в неверном свете фонаря золотые браслеты и кольца. У Кюрида ёкнуло сердце – вот бы такой наряд его любимой сестре Самире! А то ходит в старом цветастом бесформенном платье, в котором и фигуру-то её красивую не разглядишь! Сколько раз хотел Кюрид купить ей новое платье, но времени не находил, то и дело скрываясь в лесах с боевиками. Когда началась война с федералами, старый Иса, отец Кюрида, созвал сыновей в главную комнату в доме, сел на подушки, раскиданные вдоль стен, и долго молчал, перебирая четки. Мохаммед и Кюрид тоже молчали, почтительно ждали слова отца.

– Собирается ополчение против северян, – глухо сказал он, и было непонятно, одобряет он это или осуждает. – Я уже стар, Рамазан слишком молод. А вам надо идти. Эти бригады уходят в горы, оружие дадут наши братья из Аравии – переправят через Азербайджан, деньги на провиант – тоже их забота. Наше дело – отстоять родину от посягательств северян. Если я вдруг отправлюсь к Аллаху, берегите мать и сестер, да и Рамазана тоже.

В семье Ахмедовых к Рамазану было особое отношение. Его оберегали и лелеяли. Старая Зейнап рожала его очень тяжело, чуть не умерла при родах, поэтому любила этого «поскребыша» больше всех остальных детей. В семье просто был культ Рамазана. Иса, чуть не оставшийся вдовцом из-за этого мальчика, остро переживал за жену, поэтому прощал ей её прихоть и не наказывал мальчишку даже тогда, когда он был сильно виноват. В год,

когда Рамазану минуло восемь лет, погиб его двенадцатилетний брат, спасая упавшего в горную реку малыша, которого столкнул с берега Рамазан. И тогда промолчал Иса.

Промолчал он и тогда, когда старшая дочь Фатима собралась в Москву, став шахидкой по приказу своего жениха. Сердилась на неё старая Зейнап за вечные придирки к Рамазану. Фатима была единственной в семье, кто мог надавать затрещин мальчишке, а то и накрутить до крови уши.

Видел Кюрид, что не хочется Фатиме в Москву ехать, не хочется исполнять волю жениха, но родители не остановили её, хоть и знали всё, а он не вмешался в дела сестры, иначе она была бы сейчас жива.

Два года назад умер старый Иса, как и жил – тихо и незаметно – во сне. Поплакала Зейнап, как положено, но быстро успокоилась – главный человек её жизни был при ней. Она взяла клятву со старших сыновей, что они ни при каких обстоятельствах не заберут Рамазана в горы, оставив его в родном селе на радость матери.

А через год погиб в перестрелке с федералами старший брат Мохаммед, и остался Кюрид старшим мужчиной в семье, на его попечении были теперь старая Зейнап и Рамазан с Самирой. Семья существовала на те деньги, что приносил Кюрид. А ему еще надо было выделить денег семье погибшего брата, что жила в соседнем доме. Хорошо, что Зейнап держала в хозяйстве кур, уток, овец, продавала излишки фруктов из сада, пряла из овечьей шерсти пряжу и вязала на продажу кофты и безрукавки, а то бы совсем туго пришлось когда-то большой семье Ахмедовых. Сколько себя помнил Кюрид, мать все время была в работе: в огороде с тяпкой, в саду с тяжелыми корзинами фруктов, в доме за стиркой или вязанием. Хорошо, что тихая и безответная Самира помогала теперь матери, а то совсем тяжело было бы старой Зейнап. Надо бы замуж Самире выдавать, но женихов не было – много парней погибло в боях и мелких перестрелках, много их было и в горах, а еще больше уехало на заработки в города к тем же северянам. Вот и горбатилась Самира на своем подворье, ходила в выцветшем платье, старых чувяках, с цыпками на руках. А эта холеная женщина, наверное, не знает даже, какой бывает на ощупь земля, как она пахнет после дождя и как красивы горы зимой! И такое его зло взяло, что он машинально передернул затвор автомата, посылая патрон в ствол. Но на Марину, похоже, это движение впечатления не произвело, потому что она бесцеремонно дернула его за рукав.

– Ты так и не ответил, из-за чего сыр-бор разгорелся?

Кюрид даже не повернул голову в сторону Марины.

– Кому надо знать, тот знает, что произошло, и что надо делать, – сухо сказал он, считая разговор законченным.

– И кто о чем знает? – настаивала Марина. – Там в толпе никто ничего понять не может, милиция тоже ничего не понимает. Не знают даже, кто в заложники наших детей взял, – она снова дернула его за рукав.

– Начальник местной милиции должен знать, – коротко ответил Кюрид, снова даже не взглянув на Марину.

– Знать о чем? – настаивала она. – О тебе? Он что, ясновидящий? Или волшебник?

– Знает он, – неожиданно для себя самого улыбнулся Кюрид. – Он еще тот волшебник! Звёзды на своих погонах в деньги превращать умеет!

– И все-таки, каков твой ультиматум? Что он должен сделать, чтобы ты отпустил заложников? – не отставала от Кюрида настырная женщина.

Она уже начинала сильно злить его. Что значит, не мусульманка! Та бы сразу оставила все вопросы, если бы увидела, что с ней разговаривать не хотят и не хотят ничего объяснять, а эта на рожон лезет! Не понимает, что ли, что он её пристрелить может? Но где-то в глубине души у него зрела и симпатия к этой женщине – она не боится вооруженного чужого мужчину! И, конечно, она права: не сделал Кюрид никакого заявления, не обозначил никаких параметров. Не был Кюрид переговорщиком, дипломатом, адвокатом! Он был боевиком, в бою не робел, себя не жалел, врагов ненавидел. Но не рассказывать же ей, как он впервые в жизни испугался, увидев белое, как мука, лицо старой Зейнап, когда вернулся с гор на побывку домой. Теперь-то Кюрид знает, как становятся вагными ноги и отказываются держать хозяина, когда он видит, как его старая мать, обливаясь слезами, молча сползает на пол по стене. Избалованный и изнеженный двадцатилетний Рамазан решил внести свою лепту в благосостояние семьи и начал свой воровской бизнес – угонял и продавал автомобили. А поскольку Кюрид запретил ему строго-настрого уезжать далеко из дома, то пришлось его брату-шалопая действовать в курортных городках, чтобы далеко от семьи не отрываться. Благо, теперь на море многие приезжали на своих машинах, так что поживиться было чем. Местный же начальник милиции, майор Хохолько, был давно прикормлен боевиками, потому что в его приморский городок часто приходили сухогрузы, привозившие помимо основного груза оружие боевикам.

Вот этот-то майор и открыл как-то в приватной беседе Кюриду глаза на занятия брата.

– Смотри, доиграется он, даже я не смогу помочь! – майор по-отечески похлопал Кюрида по плечу.

И вот Рамазан «доигрался»! Угнав очередную иномарку, он решил на ней покататься, но был остановлен инспектором ГИБДД. Уходя от погони, Рамазан превысил скорость и на каком-то перекрестке сбил насмерть двух отдыхающих. Но не справился с управлением и врезался в стоящее на обочине дерево, здорово покалечив иномарку. Убежать не успел, и был арестован гнавшимися за ним дорожным патрулем. Всё это Кюрид узнал буквально через час после возвращения домой.

Он клятвенно пообещал матери, что добьётся освобождения Рамазана, хотя в душе был зол на своего безбашенного брата.

Но Хохолько на этот раз был неприступен. Сначала Кюрид не мог до него дозвониться, а когда дозвонился, тот отказался помогать наотрез.

– Дело взято на контроль краевой прокуратурой, уж если что, после суда. Может, побег ему организуем. А сейчас никак не могу, пойми ты меня. Я и погон могу лишиться, и сам на нарах оказаться. На днях очередной транспорт приходит, надо будет разгружать и доставлять, поэтому надо пока сидеть тихо, не мутить воду. Ничего с твоим архаровцем не случится, попарится в обезьяннике немного – ему это на пользу пойдёт, – хохотнул на прощанье Хохолько.

Но Кюриду было не до смеха – старая Зейнап слегла. Она лежала лицом к двери, отказывалась от еды и питья и только прислушивалась к шагам во дворе, поджидая своего Рамазана.

Занимаясь теперь хозяйством одна, в слезах ходила Самира.

Кюрид потерял покой и сон, поэтому и решился на такой вот дерзкий шаг. Хорошо, что друзья и односельчане решили помочь ему, и Кюрид быстро собрал группу захвата.

– А как ты собираешься отправить ментам ультиматум? – после долгого молчания спросил он Марину.

– С кем-нибудь из детей, – быстро ответила она.

Кюрид усмехнулся – понятно, дочь свою спасать явилась.

– Ну, я не знаю, как хочешь, – задумчиво сказал он. – Но у нас тут ни бумаги нет, ни ручки.

– Поищем, – бодро ответила Марина и быстро прошла к раздатке. Пошарив там немного, она нашла бланки накладных и шариковую ручку.

Принеся все к окну, где стоял Кюрид, коротко сказала:

– Давай, диктуй свою волю. – Она склонилась над подоконником. Они долго подбирали фразы ультиматума и даже спорили, приводя в недоумение других заложников. У многих из них сложилось мнение, что эта женщина заодно с бандитами.

– Твою дочь отправим? – спросил Кюрид, когда текст был составлен.

– Нет, моя дочь здесь со мной, ей не страшно. Надо отправить сына моей приятельницы, он и моложе, и трусливее, и сын у них единственный, а то она там с ума сойдет. Вдруг тут какая перестрелка начнется? Иди сюда, Саня! – позвала она мальчика.

Мальчик, сидевший на полу у стены и не сводивший глаз с Марины, медленно поднялся и еще медленнее двинулся к ней. Она несколько раз сложила накладную, превратив её в небольшой квадратик, и, повернув мальчика к себе, присела перед ним, объясняя, как он должен выйти из столовой, что крикнуть, кому отдать записку. Она звонко застегнула на его нагрудном кармашке молнию и сказала непонятную для Кюрида фразу:

– Кате отдашь. Маме привет от меня передай.

Она сама проводила мальчика до двери и выпустила его на крыльцо.

Теперь, когда основное дело, по мнению Марины, было сделано, она подошла к стене, где заунывно плакал маленький ребенок. Это была маленькая девочка лет трёх, которая прижималась к молодой девушке, безучастно сидевшей на полу.

– Это ваш ребенок? – строго спросила девушку Марина.
 – Нет, не мой, – равнодушно ответила та. – Соседи в магазин ушли, попросили присмотреть.

– Вижу я, как вы присматриваете, – сердито сказала Марина, беря девочку на руки. – Битый час ребенок плачет, а вы успокоить не можете. Своих-то нет, наверное, вот и не шелохнется сердце. Не плачь, малыш! – обратилась она к девочке. – Тебя как зовут?

– Настя, – ребенок доверчиво прижался к Марине и перестал всхлипывать, слышались только прерывистые вздохи. – Я к маме хочу, – девочка нервно теребила подол своего платьица и снова скривила губки, собираясь заплакать.

– Не плачь, моя хорошая, – Марина крепче прижала девочку к себе. – Мы с тобой сейчас пойдём к главному дяде и попросим его, чтобы он тебя отпустил к маме. Попросим?

Девочка, продолжая теребить свой подол, быстро кивнула. Марина с ребенком на руках подошла к Кюриду.

– Эту девочку надо отпустить, – твердо сказала она, стараясь заглянуть ему в глаза, насколько это было возможно при таком скудном освещении.

– Может, всех отпустим? – насмешливо спросил он, искоса взглянув на неё. – Зачем тогда это все?

– А ты уверен, что этот местный мент тебя не кинет? – задала она ему неожиданный вопрос, который он сам себе боялся задать.

– Может и кинуть, – задумчиво ответил Кюрид, стараясь не смотреть на Марину.

– И тогда зачем весь этот шабаш? – настойчиво допытывалась она. – Если здесь начнется зачистка помещения, почему должна погибнуть эта маленькая девочка? Ситуацию она не спасет, а детской смерти не будет, как не будет и лишнего греха на твоей душе. У тебя, наверное, своих детей нет, но ты же видишь, как дорог твой брат твоей матери. Отпусти девочку, – еще тверже сказала она.

– Если её отпускать, то надо отпускать и твою дочь, – примирительно сказал он, наблюдая за её реакцией. Марина молчала, укачивая девочку.

– Что молчишь? – насмешливо спросил он.

– А что, я должна руки тебе целовать за это? На колени упасть перед тобой? – вдруг зло сказала она. – Моя дочь здесь со мной, а эта кроха – с чужой теткой, которой до неё дела нет. Отпусти девчонку! Только сейчас Кюрид заметил, что ни перстней, ни браслетов у Марины на руках нет. Вот что значила её фраза, сказанная мальчику: «Отдашь Кате»? Ну, хитра! Когда только все золото снять успела? Только в вырезе блузки поблескивала цепочка, её почему-то Марина оставила.

«Что же она цепочку не сняла? Крест, наверное», – догадался Кюрид, и вдруг его осенило – Марина готовится к худшему развитию событий. А он за свою жизнь уже узнал, что такое женская интуиция. Однажды, в очеред-

ной раз собираясь из дома в горы, он был остановлен Самирой буквально на крыльце. Как она умоляла его остаться, как уговаривала еще ночку переночевать дома! Когда поднимались по тайной тропе в горы, рассказал об этом своему другу Абакару. Тот ему поведал такую же историю – жена никак не хотела его отпускать. Через несколько часов пути отряд попал в засаду, Абакар был убит, а Кюрид – сильно ранен, еле выкарабкался тогда.

– Хорошо, – после долгого молчания сказал он. – Давай отпустим твою дочь и эту девчонку. Больше, надеюсь, нет здесь маленьких детей?

– Ну и отлично, – сразу повеселела Марина. – Лена, иди сюда! – позвала она дочь.

Девочка молча подошла к матери, кутаясь в её кардиган, и встала рядом, сердито сверля Кюрида глазами. Теперь она была с мамой, и ей был не страшен этот злой бородатый дядька с автоматом на плече.

– Возьми Настю на руки, – давала Марина наставления дочери, – а то она уснула, её теперь не добудишься. Найди Катю и Елену Степановну, не отходи от них. Папе не звоните, не беспокойте его. Сообщим, когда это все кончится. – Она сняла с шеи цепочку с крестом и надела на шею дочери. – Ну, иди и ничего не бойся, – она поцеловала девочку в щеку и подтолкнула к двери. Путаясь в полах кардигана, осторожно переставляя ноги с тяжелой ношей, Лена медленно спустилась с крыльца столовой и скрылась в стоящей у ограды толпе.

Марина молча стояла у окна рядом с Кюридом и пыталась хоть что-то разглядеть на улице. Но слепящий свет автомобильных фар и какие-то прожектора, видимо, установленные милиционерами на крышах соседних домов, слепили её и не давали увидеть, что творится за стенами этого здания, ставшего для неё тюрьмой. Ни Марина, ни Кюрид не могли знать, что задумал майор Хохолько, прочитав ультиматум Кюрида. И без этого происшествия трясся майор за своё место, любой вызов в краевую прокуратуру заставлял его сильно потеть, появлялась сухость в горле, мелко тряслись руки. А когда Кюрид взял заложников, спецы краевой прокуратуры приехали к майору сами. Строгий, неулыбчивый майор из прокуратуры, усаживаясь за стол в кабинете Хохолько, строго спросил:

– Это что у вас тут за концерт такой? Какой такой ультиматум может ставить руководителю районной милиции какой-то там боевик с горы? Как вы это можете объяснить?

И Хохолько понял, что наступает его последний день работы в органах, если он не предпримет каких-то радикальных действий. Поэтому, не дожидаясь дальнейшего развития событий, он уже все для себя решил и своим решением остался доволен. Майор специально осветил столовую со всех сторон, якобы для того, чтобы не ушли незамеченными террористы. Но сделано это было для завуалирования его действий вокруг столовой. В неразберихе, царившей здесь, майор позвал к себе лучшего снайпера ОМОНа и, подсвечивая карманным фонариком, показал ему фотографию Кюрида,

дав приказ стрелять на поражение, как только боевики выйдут из столовой.

– Я думаю, лучшего места, чем на магнолии у крыльца, тебе не сыскать, – посоветовал майор.

Снайпер молча кивнул и исчез в темноте, дабы исполнять приказ. А довольный майор поспешил на глаза к высокому начальству, прибывшему из краевой милиции. Он бодро доложил, что договорился с местными жителями, и они возьмут к себе на ночлег оставшихся без крова туристов, что организовал круговую охрану столовой, и ни один боевик не выскользнет из неё, что в лучшем ресторане городка организовано питание высокого краевого начальства. Некоторые из начальников, выслушав доклад, не преминули воспользоваться приглашением, чем очень обрадовали Хохолько. Ночь подходила к концу, уже зарозовел восток, когда к базе отдыха подъехал микроавтобус, в котором сидел под охраной брат Кюрида Рамазан. Он должен был через мегафон рассказать старшему брату, что его отпустили, и что тот с боевиками может выходить из столовой. Кюрид всю ночь простоял у окна, а Марина принесла стул и сидела рядом, облокотившись на подоконник. Изредка они обменивались фразами, но больше молчали, думая каждый о своем. Многие заложники, несмотря на отчаянное положение, спали, сидя на полу. Дремали и боевики, не выпуская из рук оружия. И лишь два человека у окна не сомкнули глаз за всю ночь.

– Я вот думаю, – сказала вдруг Марина, обратив внимание на то, что на улице стало светлеть, – если бы и тебя, и меня, и любого другого поместить в другие условия жизни, мы бы стали другими людьми. Вот если бы ты жил в городе и работал на заводе, ты никогда бы не пошел в горы к боевикам, правда?

– Нет, ты не так думаешь, женщина, – усмехнулся Кюрид. – Для горца родина и приказ старейшин значат гораздо больше, чем для вас, христиан. Очень много горцев приехало из ваших городов, бросив и квартиры, и семьи, и бизнес, и ушли с братьями в горы. Потому что так повелели старейшины. Разве твои соплеменники поступили бы так? Для вас голоса старейшин, по-моему, ничего не значат? Прав я или нет? – он с улыбкой взглянул на Марину и осёкся, при свете зарождающегося дня увидев, какая она красавица.

С трудом отведя взгляд от её лица, он с возникшей вдруг злобой подумал о её муже: «Проклятый гяур! Можно ли такую красавицу отпускать одну в чужую страну? Глупец!» Всю ночь Кюрид отгонял от себя тягостное чувство, поселившееся в его душе, как только он согнал людей в столовую. И вот теперь где-то внутри у него заныло с новой силой, и он ничего не мог с этим поделать. Это его злило и раздражало. Он пытался представить себе заплаканное лицо старой Зейнап, но оно пропадало, блекло, а перед глазами вставало лицо Марины. И Кюрид уже с сожалением думал, что вот скоро наступит развязка – Рамазана, конечно, отпустят, Кюрид уйдет с боевиками в горы и навсегда расстанется с этой женщиной, которая навсегда запала в

его душу и только эту женщину он хотел бы назвать своей женой. Он гнал от себя эти мысли, изо всех сил старался выглядеть деловито и внимательно что-то выглядывал за окном, иногда бессознательно поглаживая свой автомат. Но мысли то и дело возвращались к Марине, ему хотелось смотреть в её лицо, в эти умные серые глаза и слушать этот тихий, настойчивый голос. Если бы он был волшебником, он вернул бы Рамазана матери, а сам с Мариной пошел бы в горы и показал ей кавказские красоты, каких она никогда не увидит на своих равнинах. Но он был не волшебником, а командиром боевой группы, и никаких послаблений себе сделать не мог. Поэтому на его лице не дрогнул ни один мускул, когда вдруг в предраассветной тишине раздался усиленный мегафоном голос Рамазана, призывавшего брата выйти из столовой. Кюрид молча выслушал брата и взглянул на Марину. Она выглядела внешне спокойно, но, как ему показалось, была излишне бледной. Только в эту минуту он осознал, что боится за эту женщину, боится, что с ней может произойти непоправимое, но ничего сделать уже было нельзя. Он уже пожалел, что не отпустил её вместе с дочерью из столовой, но момент был упущен, а сейчас надо было действовать и действовать быстро и четко.

«Ну, жена глупого гяура!» – попытался враждебно к Марине настроить себя Кюрид и сделал резкое движение автоматом, показывая своим собратьям, что надо поднимать и выводить заложников.

– Пойдешь впереди, – не глядя на Марину, сказал ей Кюрид.

Дверь столовой открылась, и заложники, вперемешку с боевиками, медленно стали спускаться с крыльца. Марина шла первой, сзади неё с автоматом наготове двигался Кюрид. Она еле сдерживала себя, чтобы не побежать. Через решетчатую ограду базы отдыха она видела пустынную в эту рань улицу (даже милицейских машин не было видно поблизости, лишь одинокий микроавтобус стоял у ворот). После спертого, настоенного крутым самосадом воздуха столовой, у Марины от этого свежего, солнечного утра, пахнущего близким морем, звенящего ранними птицами, закружилась голова, и она пошатнулась, тут же подхваченная сильной рукой Кюрида. Когда прозвучал выстрел из снайперской винтовки, Марина не слышала. Она только почувствовала, как Кюрид выпустил её локоть из своих сильных рук. Она не видела, как он, падая, заваливаясь на спину, с лицом, залитым кровью, заученным движением нажал на спусковой крючок, и автоматная очередь прошла её спину, защищенную только тонким шифоном. Падая на асфальт у крыльца столовой, Марина подумала, вернее, это было даже не мыслью, а ощущением, что всё она сделала правильно – все дети были теперь в безопасности, и это ощущение вызвало улыбку на её сильно побелевшем и ставшем каким-то неземным лице.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Выпекай золотые хлебы...

Если бы была такая чаша весов, чтобы измерить сказанное нами, что можно было бы узнать размер и объём того, что останется после нас, то, наверно бы, выстроилась огромная очередь из желающих понять, как наше слово отзовется. И что вспомнится? Что рассеется, растворится? Предугадывать не берусь, но я отчётливо знаю, что останутся наши стихи и воспоминания о наших деяниях. Также не берусь сваливать на то, что, мол, время такое – время разобщения, размывания, время дровосеков, чтобы изрубить нечто цельное, оставить щепки. Думаю, что – раздел и разобщение, это не наш путь. Наоборот, надо желать, как можно лучше быть друг к другу, терпимее, внимательнее. Надо насыщать друг друга тем запасом заботы и доброты, который изначально вбит в сердце каждого пишущего, каждого литератора, ибо, какой ты писатель, если нападаешь из-за угла, злобно твякаешь, кусаешь и убегаешь в кусты? Твоя жизнь – творчество, горение огнём, высеченным в сердце, повод рассказать об этом в миротворящем слове, ибо это и есть исцеление жажды тех, кто томится, надеется насытиться живой небесной водой! И вот она – пей её кружками, ковшами, жбанам. Вот она – сама даётся в руки, сама льнёт к тебе! Итак, слушайте, это стихи Калининой Людмилы Фёдоровны, нижегородки, члена Союза писателей России с 1987 года, чей юбилей мы недавно отметили в здании ННГУ:

Спущусь по ступенькам к причалу,
Где чайки кричат на ветру.
Года материнской печали
По яголке все собираю.

И в этом – «по яголке собираю» кроется нечто затаённое, нечто безраздельное, потому что выйти к людям – это всегда подвиг, а выйти с лирическими стихами подвиг вдвойне. Наша Нижегородская писательская организация, как маленький городок, наводнена разночинным людом, она рядится в разношерстные одежды, пытаясь следовать столичной моде – разделяй и властвуй! У руля – люди, жаждущие славы и денег, влюблённые в себя и только в себя. И оттого само понятие организации измельчено, доведено до песчинки. У Людмилы Фёдоровны душа болит об этом, ибо видела она иные времена, иных людей – фронтовиков, которые были руководителями организации, созданной Горьким. Её воспоминания глубоки и трагичны. Её рассказы насыщены правдой...

Вот, послушайте!

ЛЮДМИЛА КАЛИНИНА

*В Туле на губернском бале
Л.Н. Толстой познакомился
с М. Гартунг, старшей дочерью
А.С. Пушкина.*

ДОЧЬ ПОЭТА

Мария Гартунг, дочь Поэта
И губернатора жена!
В сверканье музыки и света
Ему навстречу шла Она.

Так узнаваем тонкий профиль,
Волос упрямых завитки...
И плечи смуглые напротив
И легкость маленькой руки.

Позднее смуглое сиянье
Ее лица и блеск волос
Сложилось в словосочетанья,
В большой роман перелилось.

Кружился бал в его романе...
– Мазурка!
И вокруг восторг!
На плечи возбужденной Анны
Упал упрямый завиток...

О, сколько вас, царицы балов,
Бесследно канули во тьму...
Вы скажете, не то бывало
лет сто и более тому.

Как одолеть одной разруху,
Как уберечь в огне себя?
Марию, нищую старуху,
Спасла крестьянская семья.

Она к столу робела выйти,
Детей боялась приласкать...
Глаза отказывались видеть,
А разум что-то понимать.

Когда в минуты просветлений
Являлись прежние года,—
Не трогала родные тени
В своих рассказах и тогда.

Все на завалинке сидела,
В подоле нянчила цыплят...

А сердце улететь хотело
На сто и больше лет назад.

Но утешалась, что не надо
К былому по камням брести...
Ведь нет к ушедшему возврата,
Не отыскать туда пути.

КОНИ

Поднимала артель на шеломные доски,
Поднимала над ясными окнами.
Деревянные кони хоромин узольских
Говорят с облаками высокими.

Не посмотрят в зеркало тихой Узолы,
На окрестные красные рамени,
На облитые льном золотые подзолы,
Подсиненные зорями ранними.

Дружный плотницкий стук раздается поныне
В приозельской земле заболоченной.
Нянчит деток улыбчивая берегиня
Под родительскою потолочиною.

Сказку рассказывает про коня удалого,
Да про молодца-ясного сокола.
Конь копытами бьет у порога родного,
На крыльцо вызывает высокое.

Легкогривые кони, былинные кони...
Не прожить мне без роду, без племени.
Сквозь века убегаете вы от погони,
От руки беспощадного времени.

Перемелется, переменится,
На столе твоём будет мука...
И предстанет с годами безделицей
Все, что так волнует пока.

Выпекай золотые хлебы,
Заготовливай в зиму грибы.
Никогда ничего не требуя
От дарованной свыше судьбы.

Загружая свой погреб банками,
Не наладуешься сама.
Чистой скатертью самобранкою
Под окошками ляжет зима.

ЧЕРНИКА

маме

Припомнила ты, рассказала,
Как Чкаловской лестницей шли, —
На рынок несли от причала
Чернику из нашей глуши.

Плутая в неблизких болотах
На ягодник тяжко брели,
Мечтали о детских обновах,
Считали скупые рубли...

Ты вдруг покачнулась, споткнулась,—
Рассыпала... И обмерла.
Твоя рассказала сутулость
Как ноша была тяжела.

Присела в слезах на ступени:
— Да как же вернуться домой!
Брала со ступенек с терпением
По яголке, вновь по одной...

Спустишь по ступенькам к причалу,
Где чайки кричат на ветру.
Года материнской печали
По яголке все собираю.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСАНДР СИЗОВ

Версия Нострадамуса, или убийство в сезон мутаций..... 2

ЭЛЬВИРА КУКЛИНА

«От утюга ожог?..» 63
«Телефонная будка...» 64

ВАЛЕНТИНА ЕРОФЕЕВА

«Уходит боль из правого виска...» 65
«Несуетная тишь, невиданная гладь...» 65
«Откуда это?..» 66

ТАТЬЯНА КОСТОПУЛУ

Шахматное 66
«Захлёбываться стихами...» 67

АЛЕКСАНДР ТИХАНОВСКИЙ

Про Афган 68

ЕЛЕНА ЗАЙТОВА

Тоска..... 69

АЛЛА ПРИЦ

«Не вспоминай её — разлука...» 70

ДМИТРИЙ ТЕРЕНТЬЕВ

«Срок правленья осени истек...» 71
«Холодное черное море...» 71

ГРИГОРИЙ СОМОВ

Лыжная прогулка 72
Мое продолжение 73

МАРГАРИТА САТИРСКАЯ

Заложница 73

Колонка главного редактора 84

ЛЮДМИЛА КАЛИНИНА

Дочь поэта 85

Кони 86

Черника 87

«Перемелется, переменится...» 87

Витан – напитки и сиропы нового поколения!

Как все просто!

Пьешь напиток, получаешь удовольствие и даже не задумываешься, что в это время помогаешь своему организму быть здоровым!

«Витан-1»
экстракты чабреца, мята, мать-и-мачехи и зверобоя – на сахарном сиропе
✓ снижает риск развития сердечно-сосудистых заболеваний;
✓ улучшает состав крови;
✓ защищает организм от высокой соленой активности;
✓ способствует поддержанию остроты зрения при постоянной работе на компьютере.

«Витан-2»
экстракты чабреца, коры дуба, рябины красной, концентрированный яблочный сок – на сахарном сиропе
✓ уменьшает развитие аллергических реакций;
✓ способствует восстановлению обезвреживающей функции печени после тяжелых заболеваний;
✓ общеукрепляющее средство при проживании на экологически неблагоприятных территориях;
✓ улучшает состояние сосудистой стенки у курильщиков и при заболевании вен;
✓ повышает адаптацию школьников к учебному процессу.

«Витан-3»
экстракты чабреца, зверобоя, мята – на сахарном сиропе
✓ повышает устойчивость к инфекциям при заболевании бронхолегочной системы;
✓ создает основу для эффективного лечения воспалительных изменений глаз;
✓ уменьшает риск развития ишемической болезни сердца;
✓ ускоряет процессы восстановления организма после стресса, перенесенных острых респираторно-вирусных заболеваний и гриппа.

«Витан-спорт»
экстракты чабреца, мята, мать-и-мачехи и зверобоя – на фруктозном сиропе
✓ свойства идентичны свойствам «Витан-1»
Рекомендуется употреблять:
✓ после спортивных тренировок и особенно тем, для кого спорт – это профессия;
✓ включать в рацион питания при прохождении комплекса программ по снижению веса;
✓ тем, у кого нарушение углеводного обмена;
✓ при заболевании желудочно-кишечного тракта на фоне пищевой аллергии.

«Витан-чай» («Русский чай»)
экстракты иван-чая (хипрей) – на сахарном сиропе
✓ успокаивает нервную систему, улучшает сон;
✓ нормализует давление;
✓ восстанавливает слизистые оболочки;
✓ восстанавливает силы при истощении;
✓ устраняет головную боль;
✓ благоприятно влияет на иммунную и эндокринную систему
* Историческая справка: Иван-чай упоминается в хрониках XII века. Как напиток чай его поставили за границу и назвали русским чаем.

«Витан-элитный»
экстракты чабреца, коры дуба, рябины красной – на сахарном сиропе
✓ общеукрепляющее средство при проживании на экологически неблагоприятных территориях;
✓ уменьшает симптомы различных интоксикаций;
✓ используется в косметологических программах омолаживания для уменьшения морщин.

«Витан-Аква» олимпийский
подготовленная вода, экстракты чабреца, мята, мать-и-мачехи и зверобоя (без сахара, подсластителей и консервантов)

**Достаточно одного стакана в день!
Восстановление организма
в стрессовых ситуациях
(система природных антиоксидантов).**

Гран-При
постоянно высокого
качества

Удовольствие жить!

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5
Л47

Литературно-художественное издание

ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА

АЛЬМАНАХ

Главный редактор: Светлана Леонтьева

Редактор: Николай Пчелин

Редколлегия: Константин Казаков,
Валентина Пономарёва, Сергей Ерохин

Верстка: Сергей Ерохин

Отпечатано в типографии «Печатный дом «Вариант».

Нижегородская область, г. Богородск

тел. (83170) 2-49-97

моб. 8-910-874-52-44